

316305

8

3-802

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Ярославского С.-Х. и Кредитного Союза Кооперативов.
МЕСТНЫЙ КРАЙ И ЕГО ЖИЗНЬ.

№ 1.

—) С. ЗОЛОТАРЕВ (—

ПИСАТЕЛИ-ЯРОСЛАВЦЫ.

ЯРОСЛАВСКИЙ КРАЙ, КАК ОДИН ИЗ
КУЛЬТУРНЫХ И ЛИТЕРАТУРНЫХ
ЦЕНТРОВ РОССИИ.

И. З. СУРИКОВ.—Д. Ф. ИВАНОВ-
МАССИН.—С. Я. ДЕРУНОВ.

ЯРОСЛАВЛЬ,
1920.

МЕСТНЫЙ КРАЙ И ЕГО ЖИЗНЬ.
№ 1.

—) С. ЗОЛОТАРЕВ (—

ПИСАТЕЛИ-ЯРОСЛАВЦЫ.

ЯРОСЛАВСКИЙ КРАЙ, КАК ОДИН ИЗ
КУЛЬТУРНЫХ И ЛИТЕРАТУРНЫХ
ЦЕНТРОВ РОССИИ.

И. З. СУРИКОВ.—А. Ф. ИВАНОВ-
КЛАССИК.—С. Я. ДЕРУНОВ.

—) ИЗДАТЕЛЬСТВО (—
Ярославского С.-х. и Кредитного Союза Кооперативов
1920

316305

ГИПОГРАФИЯ ЯРОСЛАВСКОГО С-Х И КРЕД. СОЮЗА КООПЕРАТИВОВ.

Ярославский край, как один из культурных центров России.

1.

Ярославль, центр нынешней Ярославской губернии, один из городов древней Ростово-Суздальской области, назывался когда-то в старину «Медвежьим углом». Теперь так называют глухие углы провинциального захолустья. Но таким углом Ярославщина не бывала. «Медвежий угол» об Ярославле говорилось потому, что здесь, по преданию, основатель города убил медведя, да и потом сюда жаловали древние князья на охоту, а некоторые исследователи предполагают, что медведь в нашем Ярославском гербе, как и олень в Ростовском, и петух в старом Угличском—все это память не только удачной охоты, но и старинного языческого религиозного почитания животных, свидетельство не только смелого характера и сильной руки, но и живой фантазии, образной мысли древних обитателей Ярославщины.

Медвежий угол—культурное гнездо еще древней Руси.

В истории есть моменты и места, около которых скопляется много так или иначе замечательных фактов и явлений. Ярославль в течение всей русской истории был одним из таких центров.

Жизнь сложна. Сложна человеческая культура, т.-е. все, что создает человек для своего материального благополучия, чем украшает и упрочивает свою жизнь—искусство, право, порядок, семья, государство. Мы изучаем эти явления раздельно, но в общем укладе жизни они между собой связаны. Где живее промышленность, там выше мате-

риальное благополучие, разнообразнее правовые отношения, острее догадка, звучнее песня, богаче искусство.

Человек строит жизнь по-своему и наблюдает ее. Творец и кузнец своего счастья, он дает имя своему творчеству, любит красота его или скорбит об уродстве и мучится поисками лучшей доли. Каждый из нас больше или меньше выражает свою творческую беспокойную мысль и в деле, и в слове, и в красках, и в звуках.

Но есть люди, которым природа дала особые способности глубоко проникать в смысл жизни, верно наблюдать, красиво и ярко изображать всякую думу, всякое чувство. Это—художники вообще—живописцы, музыканты, ваятели, а более всего художники слова, поэты, писатели. Их слово понятнее музыки, статуи, картины. К ним прислушиваются все. Слово писателя дорого и близко нам, и тем дороже и ближе, чем понятнее и роднее та жизнь, о которой говорит писатель. Понятно, что так близки и родственны нам писатели, вышедшие из родного края. Но чем более дарование писателя, тем шире его жизненный кругозор, и чем богаче местная жизнь и среда, его воспитавшая, тем более широкое значение имеет писатель уже не только для своих земляков. Мало кто думает о том, что Пушкин родился в Москве, Толстой—в Тульской, Тургенев—в Орловской губернии.

Но Пушкиных, Толстых, Тургеневых немного, а большинство писателей тесно связаны с родным краем. Посмотрим же, как местные условия влияют на развитие литературы, и почему наш Ярославский край стал одним из замечательных центров культурной и литературной истории России.

Первое основное условие — общий характер природы.

Наша великорусская природа вообще не богата какими-нибудь особыми поразительными явлениями, будившими воображение художников древнего Египта, Греции, Италии. Нет в ней «ни замков, ни морей, ни гор», как говорит наш Некрасов: «все рожь кругом» и «врачующий простор».

Красота нашей природы в сочетании полей, лесов и воды.

Вода нужна не только для растительности. Богатство и удобство водных сообщений вносят особое разнообразие во весь жизненный уклад страны, толкают на торговые сношения, будят изобретательность. Обилие воды и при нем обилие лесов шевелит фантазию. Человек населяет и воду и лес всевозможными чудовищами—водяными, русалками, лешими. Он изворачивается, чтобы не прогневить их и даже найти в них помощников. Из него вырабатывается ловкий, бывалый «города проходец, землям бывалец», хитроумный Одиссей, отважный Робинзон. Все древние и новые промышленные народы с высоким развитием не только материальной, но и духовной культуры, жили по берегам морей, располагали хорошо развитыми путями водного сообщения. Таковы финикияне, египтяне, греки, англичане, японцы. Богатая культура Египта возникла из железной потребности использовать щедрость оплодотворившего страну великого Нила и вместе с тем справиться с разрушительной силой его наводнений. Историко-литературная карта России обнаруживает то же замечательное явление: оказывается, что места рождения огромного большинства наших писателей расположены по речным системам, по исторически известным торговым, культурным водным путям Днепра, Волги, Дона и т. д. Первые

наши писатели родились на морских побережьях, Кантемир в Константинополе, Ломоносов вблизи Белого моря, Третьяковский в Астрахани.

По Волжскому пути сплошным рядом тянутся пункты рождения значительной части наших литераторов, и среди поволжских губерний Ярославская занимает одно из почетных мест.

Она и находится в исключительном положении по богатству речных путей. Это, можно сказать, морская среди континентальных губерний. В ней до 240 рек и речек, в том числе 34 притока Волги, 110 озер.

В пределах Ярославской губернии Волга из речки делается рекой. Пароход уже не тычется здесь с берега на берег, но и не теряется, как в пустыне нижней Волги. Он «гуляет», «бегает» между оживленных пристаней, постоянно в виду городов, сел, деревень, оживляя их своими свистками, позволяя пассажирам любоваться близкой панорамой берегов, дышать запахом свежего сена, слушать разливы волжской песни. Под Угличем Волга еще заманивает хорошего пловца перемахнуть «на саженьках» на другую сторону, под Ярославлем она доставляет высшее удовольствие покачаться в лодочке на валах парохода. Ярославль и сам вдоволь любит на Волгу, и себя умеет показать со своей единственной по красоте набережной.

Он уступит разве только Нижнему, с которым связан и торговым значением своего района и старыми историческими воспоминаниями о временах смуты, когда Нижний и Ярославль оказались важнейшими организационными и сборными пунктами русских сил при Минине и Пожарском.

Кострома, точно старуха Кабаниха*), от соб-

*) В „Грозе“ Островского, навеянной костромскими преданиями

Настоящим выпуском открывается особая серия изданий Ярославского Кредитного Союза Кооперативов.

Содействуя местному населению в улучшении, упорядочении жизни, Союз считает нужным не ограничиваться изданиями по кооперативным вопросам, но выпускать в свет и другие книги, способные повысить сознательность потребителя, помочь ему в деле самообразования.

Кооператор не узкий мелкий торгош, он культурный общественный работник, организатор, не только распределитель, но и создатель и материальных и духовных ценностей, потребных населению.

В первую очередь работая для местного края, наш Кредитный Союз Кооперативов признал своей очередной задачей предпринять издательство по изучению местного края, чтобы поднять интерес к местной жизни, показать все, что в нем было и есть ценною не только для земляков, но и для всей страны.

Этим очеркам предпосылается общая характеристика Ярославщины, как одного из культурных центров России. Очерки будут выходить по мере изготовления, но в первую очередь предположены очерки жизни и деятельности трех поэтов-крестьян — Сурикова, Дерунова, Иванова-Классика.

Все очерки будут объединены общей редакционной мыслью, так что в целом, расположенные в порядке, который будет своевременно указан, они составят связную историю литературы Ярославского края.

Наличность среди писателей-ярославцев таких имен, как А. Курбский, В. Майков, Жадовская, Некрасов, Суриков, Н. А. Морозов, придаст всему изданию не только местный, но и обще-русский интерес.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

В дни испытаний и сомнений наш родной язык придавал силы и бодрости великому художнику и гражданину — И. С. Тургеневу.

Но подсказывало ли ему когда-нибудь его встревоженное воображение возможность таких испытаний и таких сомнений, какие сейчас выпали нам на долю? Что осталось цельного, неразрушенного, с чего можно снова начать жить? Да остался тот же родной язык, родное слово, создание могучей безличной, неумирающей чародной мысли, хранилище народной совести, чести, воли. Жив язык — жив и народ.

Благо тому, кто чувствует силу родного слова и может в ней черпать уверенность в лучшем будущем.

С любовью к вечно бодрящим, оживляющим силам родного языка, родной литературы, сейчас я останавливаю внимание на одном уголке великой нивы родного творчества, на литературе своей Ярославщины, и новые, еще точно не початые ключи живительной любви к родному слову бьют из всколыхнувшихся от близости кормилицы-Волги давних воспоминаний. Я спрашиваю себя, где воспиталась у меня эта любовь к русской литературе, давшая смысл для работ, занявших все время моей сознательной деятельности? Да здесь же, в этой маленькой частице общерусского творчества, в творчестве, в поэзии родного края, воспиталась еще тогда, когда детскому языку чужды были слова „поэзия“, „искусство“, и детский ум не разбирался в научных вопросах истории литературы.

Ребенок, как первобытный человек, воспринимает жизнь во всем ее разнообразии и всеми своими чувствами. Он не рассуждает, а чувствует. Природа и люди, песня и журчание воды, говор и звуки всей жизни охватывают его, будят мысль, воображение, заражают любовью к красоте движения, труда, живой речи. Таковы и были впечатления детства в оживленном пункте Ярославского края, в столице бурлаков на Волге.

Каждой весны ждешь с новым замиранием души. Кругом реки: Волга, Шексна, Черемуха, Коровка. Начинается борьба воды с оковами льда, разлив, ширь необъятная, манящая куда-нибудь плыть на лодке, на плоту, хоть на льдине, с опасностью для жизни. По широкому водному простору разносится с лодочек песня и музыка. А в своих зимних норах просыпаются пароходы, пробуют голос, раздаются наши волжские свистки, не сухие, отрывистые, а певучие, с оттяжкой. Заухала „дубинушка“ на Волге, затрещала на вокзале, на пароходной пристани бойкая ярославская речь, с перцем, с солью крепкого словца. Заявились „питерщики“ на побывку.

В воздухе тоже гомон — Ярославская губерния и для птичьего царства такая же гостиница, проходной двор.

Весело. Можно жить. Нужно жить.

И даже там, где нашли себе вечный покой люди, слегевшиеся отовсюду в кипучий волжский город волноваться и кипеть — на кладбище не молчит живое слово. Никогда не приходилось мне после посещать кладбищ с такой богатой литературой стихотворных и прозаических эпитафий, как в Рыбинске. Тут все литературные направления от классицизма, воспевающего покойника с медалями и пенсионом, до сентиментализма, оплакивающего „добрую Анну Ивановну“ с ее „спыльчивым характером“, и романтизма негодующего на то, что „мир стонет в демонских цепях“ и „правда в ложь преобразалась“. На этих надписях продельваются первые опыты литературного сопоставления мотивов и форм, приобретается первое знакомство с диалектологией русского языка. Наши ярославцы, тверичи, костромичи, новгородцы — все оставили в своеобразных ошибках особенности своего произношения, и кладбищенская надпись так же разнообразна и богата, как пристанская частушка и записка „дубинушки“.

То, что взято из родной среды, что потом углублено, осмыслено научной работой, с благодарностью выплачиваю родному краю.

лазна и греха, отгородилась от Волги заборами да огородами, Казань сиряталась за песками и болотами, «Симбирск виден, да семь ден до него идем». Здесь Волга уже необ'ятна, берега временами дико красивы, как в Жигулях, но мало оживлены.

В Ярославской губернии Волга еще такая родная, ручная, она своя и вместе с тем она постоянно напоминает о бесконечной дали, куда несутся ее воды.

3.

Водой связанная с Югом и Севером, лесами с далеким Востоком, Ярославская губерния по своему особому климатическому положению, находится на рубеже, где сошлись границы распространения различных и растительных пород, так что она представляет разительное сочетание текучего населения людей, животных, птиц и растений. Сюда забираются образцы животного мира из сибирских и уральских лесов, по лесным дорогам Костромской и Вологодской губерний, сюда по Волге залетают породы чисто южных птиц. И сами ярославцы такие же непоседы, «кукушкины дети», как их иногда зовут. Ярославца не очень держит его земля, когда-то покрытая морем и заброшенная в ледниковый период валунами, но его размывает и разносит повсюду вода. 11—20% всего населения и 40—50% трудового населения Ярославской губернии уходит на промыслы далеко за границы родного города. Уроженцы других губерний, встречаясь на промыслах с ярославцем, насмешливо и зло величают его «чистоплюем». Это оттого, что ярославец—грамотей и организатор, и это позволяет ему выбрать и удержать за собой дело по душе, может быть, полегче и почище.

Он пахарь, но не только пахарь. Он и зверолов и рыболов. Он пахарь, но не на столько, чтобы его благополучие всецело зависело от капризов северной природы, но и зверолов не на столько, чтобы постоянно терпеть лишения и рисковать жизнью, подобно архангельскому помору. Звероловство у нас не исключительный, обязательный и опасный промысел. В нем ясен привкус забавы, потехи, упражнения в ловкости, находчивости, удали.

Нет нам запрета по чистому полю
Тешить степную и буйную волю...
Кто же охоты собачьей не любит,
Тот себе душу заспит и погубит...

Так говорит Некрасов, великолепно изобразивший в крестьянских детях и воспитательное значение большой дороги с вечно новыми людьми, и походов по лесным тропинкам, речным бережкам.

Ребята обступят, начнутся рассказы
Про Киев, про турку, про чудных зверей.

Забредет рабочий—ребята довольны:

Как пилишь, как лудишь им все покажи.

Сами заберутся в лес на грибные набег, вспугнут зайца, поймут ежа, увидят и волка, у, страшный какой. Савося хохочет, попался спроста большой человек, схвативший змею вместо колечка. А может быть, тому же Савосе грозит и самому лесная судьба.

Сорок медведей поддел на рогатину
На сорок первом сплошал...

Но при ярославской удали и азарте нужно и на это идти. На приключения издавна подмывает ярославца сама природа. Среди бесчисленного множества его рек и речек, прошли важнейшие водные пути, связывающие моря Белое, Балтийское и Каспийское.

Один путь из Камской Болгарии и Хозарии вел в Новгород по Волге, Мологе, Чагодище, Сяси, Ладоге. Впоследствии это Тихвинская система.

Другой путь через Тверь и Мсту—основа позднейшей Вышневолоцкой системы—соединял Волгу с Волховым, выходил на великую культурную дорогу из варяг в греки. На ту же дорогу можно было пробраться по Оке, Жиздре и Десне.

В Оку пробирались новгородцы по Мологе или Шексне—впоследствии Мариинская система,—Волге, Которостли, Неро, Нерли, Клязьме. По всем этим путям и волокам между реками, их составлявшими, до позднейшего времени находятся клады с восточными монетами VIII—IX веков, иногда с греческими и римскими.

Ярославцам искони было не в диковинку и у себя видеть чужих гостей и самим побывать на чужбине. Недаром, среди крестьянских промыслов наших был и один очень интересный—жить в переводчиках: некоторые крестьяне по торговым сношениям выучивались иностранным языкам и промышленяли переводческим делом у крупных торговых фирм. В Ярославле в XVII веке было около 30-ти иностранных торговых контор, появившихся после того, как Швеция и Польша перерезали старые пути в Европу и остался один—на Белое море, продолженный англичанами при царе Грозном.

4.

Забравшись в сторону Мери и Веси, славянские колонисты, повидимому, больше всего новгородцы, успели обрусить всю сторону, очень зло потешаясь над своими пошехонцами, долее сохранявшим в своем углу некоторую отсталость финской народности; но когда история свела нас с более культурной на-

родностью—греками, ярославцы не замедлили откликнуться. Недалеко от Ростова есть село Угодичи (Угожи), жители которого, по преданию, первые угодили князю Владимиру, всюду разославшему призыв креститься. Здесь возникла потом и школа, первая на большую округу. В Ростове, как видно из повести о Петре, царевиче Ордынском, еще в эпоху татарщины сохранялся обычай греческого «доброгласного» пения на левом клиросе соборной Успенской церкви, «яко невеста украшенной». На своем историческом перепутьи ярославцы искони умели находить «много поэзии», по выражению Некрасова. Пока было язычество, они служили и языческим богам с торжеством и блеском. Около Ростова стоял огромный кумир Велеса, нашего славянского Аполлона, и вызолоченная его голова была видна в Ростове, а потом на месте этого «Чортова Городища», по благословению одного из местных иерархов, стало село Ангелово с дивными церковными постройками.

В лесах и болотах Ярославщины таились долго ведуны, или, как, называет их летопись, волхвы, которые могли поспорить с ведунами и ведьмами днепровскими и киевскими. В конце XI века такие волхвы прошли по Шексне и по Волге, истребляя женщин, которые будто бы утаивали жито и вызвали голод. Волхвам известны были и не только земные, но и небесные тайны. Они рассказывали, как появился в мир человек. Бог мылся в бане, вспотел, утерся ветошкой и бросил ее на землю. Ее подхватил дьявол и задумал сделать из нее человека. Бог заспорил с ним, но только дьявол все-таки успел сделать человека, а Бог уже вдунул в него душу.

Это замечательная выдумка ярославских волхвов плотно запечатлелась в русской литературе, и от

Лермонтова и Гоголя, через Толстого и Достоевского к Л. Андрееву и Мережковскому дошла эта волнующая нас борьба Бога с дьяволом в человеке и за человеческую душу.

Около того же времени, когда ростовские волхвы разносили свою выдумку о создании человека из веточки, под Ростовом был замучен святой Леонтий, а затем Ростов Великий стал одним из центров церковного творчества, новой поэзии христианства. Церковные строители, церковные живописцы шли один за другим. Церковное пение и колокольный звон одинаково близки впечатлительной и жадной на звуки душе ярославца. В Ростове загудели знаменитые музыкальные колокола, но ярославские села, рассеянные по пригоркам и речкам, издавна состязаются между собой красотой дивных церквей и колокольным звоном. Особый трепет в душе ощущает Некрасов, слыша колокольный звон в знакомом близком монастыре. Другой поэт—ярославец Суриков, приехавший в Ялту поправить свои гаснущие силы, скорбит, что нет для него настоящего праздника: «нет праздничного звона: в Ялте одна только церковь, да и то звонят не так, как у нас».

Здесь не столько тихой религиозной умиленности, сколько религиозного упоения, красоты возбуждения.

5.

История не щадила ярославцев. Их жгли татары, поляки, горели они и сами от своей удалой неосторожности. Недаром в списках населенных мест Ярославской губернии целыми столбцами стоят всевозможные Новоселки и Погорелки. Но ярославец выгорает и заново строится, и норовит, как бы устроиться получше. Он по профессии строитель-кровельщик. После одного из самых страшных гу-

бительных пожаров в 1658 году Ярославль принялся за полное обновление своего облика. Это было время расцвета торговых сношений через Ярославль с Европой и Азией. Англичане, голландцы и персы—все перебивали в Ярославле. Здесь оживленно шла работа на многочисленных заводах. Ярославское купечество, богатевшее в этом торговом водовороте, не поскупилось на восстановление родного города, и храмы один другого роскошнее и красивее возникли на месте пожарища, обозначив особую эпоху в искусстве. Возник «Ярославский стиль». Ярославцы воспользовались новыми техническими средствами, чтобы порвать со старым московским типом, небольшой тесноватой, несколько суровой в своем полумраке, стройной по краскам и линиям церкви. По словам Ю. Шамурина, автора «Культурных сокровищ России», московские храмы кажутся убогими часовнями перед сверкающей нарядностью ярославских церквей.

Общее очертание храма, изразцовые, резные, деревянные украшения, стенная живопись,—все это в ярославских храмах XVII века достигает громадного художественного совершенства. Стенопись по богатству и разнообразию сюжетов, колоритности и прелести декоративных эффектов признается специалистами единственной.

Резные украшения нигде не достигают такой роскоши, как у ярославских мастеров. В их работе чувствуются и старые религиозные традиции благолепия и уменье искусно вплести бытовые и исторические сюжеты в церковную живопись, усматриваются и влияния немецкого, и итальянского, и голландского, и польского, и восточно-персидского искусства, но нигде нет слепой подражательности. Видна огромная осведомленность, наблюдательность и художественная уверенность в работе. Греки за-

несли на Русь необычные для нас формы церковных зданий с куполами, которые и трудно было строить из нашего родного строительного материала—дерева. Между тем, церковный обычай требовал соблюдения определенной формы. Таким же обычаям держались тяжелые, суровые формы церковной стройки, похожей на крепость. С оппозиционной смелостью ярославские зодчие XVII века отступают от старых, навязанных Византией образцов и обращаются к художественному усовершенствованию архитектурных форм, более соответствующих русской деревянной стройке и русским бытовым навыкам. Так создались особые формы шатрового покрытия церквей, сочетание колонны с квадратными, прямоугольными фигурами, развитие крылец и переходов и по выражению Ю. Шамурина, «русская душа яснее всего кристаллизовалась в творчестве ярославской области». У Грабаря, в главе, посвященной Ярославскому зодчеству, в его «Истории русского искусства»—мы находим ту же высокую оценку ярославского стиля. Поговорка называет ярославцев красавцами, но ярославцы вдобавок еще и искусные украшатели, декораторы, неистощимые в затейливых замыслах архитектуры и живописи.

Одна особенность в этой светлой роскоши ярославского просторного светлого храма: в нем постоянно можно натолкнуться на картины Страшного Суда, выражающие какой-то надрыз души человеческой. Как будто все это наследие древних ростовских волхвов с их сказанием о том, как «распреся сатана съ Богом, кому в нем сотворити человека»...

Это опять-таки не тихое созерцание, не умиление, а строительный, художественный и психологический задор и удаль—ярославская черточка,

6.

Настоящим ярославцем выступает и наш богатырь, борец с языческим чудищем, Алеша-Попович, сын ростовского попа Леонтия. В нем тоже «росприся сотона с Богом», Алешенька «поверток был», обманул Тугарина, каличищем вырядился, обманул противника, но захав в стольный Киев-град, Алеша не прочь обмануть и своего брата названного Добрыню-Никитича, отнять у него жену. Он ведь «бабий насмешничек, судейский прелестник». — Жалуется Добрыня: «он, собака, мне названный брат» и потом так начинает наказывать Алешу, что «стал Алешенька Леонтьевич поохивать, да от буханья не слышно было оханья». Илья Муромец, тоже наш сосед из славного Муромы, говорит Добрыне:

Не убей ка за напраслину богатыря;
Хоть он силою не силен, да напуском смел.

Это и есть настоящий ярославец, не усидел дома, где едва ли не его отец поп Леонтий, смертью запечатлел верность Господу, пошел воевать с язычником Тугарином, его одолел, а княгиню неласково обозвал «сукой волочькой», но сам покушался разрушить семью у Добрыни, а потом и богатырей всех сгубил: захотелось ему непременно помериться с «силой нездешней». Явились крылатые всадники, начали с ними рубиться богатыри и не справились, побежали в горы и окаменели.

А за то, что Алешенька, бабий насмешничек вместе с своими земляками ростовскими волхвами оскорбил женщину, позднее горько скорбела душа ярославских поэтов и Жадовской и Некрасова,

оплакивавших «долюшку русскую, долюшку женскую». В этой долишке—«с рабом повенчаться, и быть матерью сына раба и до гроба рабу покрываться»—чуткое сердце услышало общую горесть родины-матери и разгадало в песне, оглашающей берега родной Волги стон рабства. Сама Волга «река рабства и тоски». Новы слова ярославского поэта, но далеко не ново это печалование о судьбах униженного и поработченного народа.

Через 20 лет после неудачного отпора, данного ярославцами татарам на Сити, они уже опять первые поднимают знамя восстания и снова неудачно—на Туговой горе под Ярославлем они терпят жестокое поражение. Однако, еще через 30 лет рос-

товцы избивают татарских баскаков, а потом делят Руси вдохновителя на решительную борьбу с татарами—Сергия, впоследствии ушедшего в Воронеж, а затем в своей обители воспитавшего преемственный ряд насадителей монастырской жизни по северной области.

Когда на смену татарскому игу московский хан начал своеволять, в ярославцах опять заговорило ретивое.

Из рода ярославских бояр Колычевых вышел подвижник Соловецкий, а потом московский митрополит и непреклонный обличитель Ивана Грозного Филипп, заточенный и замученный на берегах матушки-Волги в Тверском Отрочем монастыре.

Из ярославского княжеского рода Курбских вышел и другой обличитель Грозного Андрей Курбский один из первых русских политических эмигрантов, первый зарубежный русский писатель. дальний духовный предшественник Герцена, с такой же горячей и гневной любовью к родине-мачехе. Стоит перечитать писания этого борца за свободное «естество» человека, за свободное слово и убеждение, за права «всенародных человек» в управлении страной.

К прошлой истории родной земли, к этой поэзии борьбы за волю—очень охотно обращаются наши ярославские поэты. Это как будто общая их черта. Ярославцы сохранили и самый поэтический памятник древне-русской свободной мысли: в Ярославле найден единственный список «Слова о полку Игореве», этого плача о бедствии родины и призыва «вступить за землю русскую».

Ярославцу, как Суриков говорит о самом себе, не вытерпеть. «чтобы сюртук был застегнут на все пуговицы». «Я по своей натуре растрепа, у меня сюртук постоянно растегнут—оно как-то вольней».

Поэтому ярославцы выпустили из своей среды не мало и крупных и малых протестантов против «застегнутого сюртука», против всякого формализма, может быть, и очень почтенного. Из Романова вышел раскольничий проповедник Лазарь, один из противников Никона. Где-то около Ростова создана преостроумная сатира на московское судейское «никонианство» — сказка о Ерше Щетинникове, обитателе Ростовского озера. На суде, куда привлек его простоватый, обиженный им осетр, ловкий Ерш ведет себя, как заправский ярославец, засыпает судей словами, путает их сбивчивыми показаниями, а выслушав их суровый приговор, плюет им в глаза и запрягивается в хворост; только Ерша и видели. Мимоходом сказать, сказка о Ерше предвестница Щедринских сказок.

С XV века Ярославль постепенно избирается местом ссылки. Сюда были посланы и купцы из опального Новгорода, и отдельные лица, не угодившие московским самодержцам, и стрельцы при Петре. Прошли через Ярославль и декабристы в Нерчинские рудники. Но ярославский ерш Щетинников не унимался.

7.

Еще в конце XVIII века, в 1786—1787 г.г. в Ярославле издается первый провинциальный журнал «Уединенный Пошехонец» под редакцией В. Санковского.

Журнал не успел окрепнуть, что и не удивительно, так как даже столичные журналы, принадлежавшие частным лицам, не могли тогда продержаться более 1—3 лет.

В 1819 г. в Ярославле снова задумывается издание журнала «Ярославский Зритель». Этот замысел профессора Демидовского высших наук училища

в Ярославле, замечательного и первого в провинции высшего учебного заведения, не осуществился по цензурным условиям.

Около того же времени высшей местной администрацией прекращено было очень непродолжительное существование общества любителей русской словесности, возникшего в 1814 г. одновременно с Московским и имевшего целью издавать самостоятельные и переводные труды своих членов. В 1849 и 50 г.г. ярославские писатели издали два сборника своих статей и литературных произведений.

На рубеже XIX и XX в. в Ярославле появляется уже наиболее сильное периодическое издание «Северный Край», одна из лучших провинциальных газет, давшая толчек для возникновения местной прессы соседних городских и губерньских—в Костроме, Вологде, Архангельске.

За последние годы Ярославль взял на себя почин двух оригинальных издательских предприятий. Здесь стал выходить журнал «Родной язык в школе», посвященный изучению родного языка и литературе, как научных и учебных предметов, и «Русский Экскурсант» журнал родиноведения и в тесном краевом и в широком обще-русском значении.

Развитие кооперации не замедлило отозваться в Ярославской губ. появлением нескольких периодических изданий.

Более или менее официальное обследование и изучение родного края ведет свое начало в Ярославле с 1808 г., когда только что незадолго до того открытая Ярославская гимназия принимается за «записки метеорологические, топографические и статистические в пределах Ярославской губернии» и за собиране «сведений касательно местной природы и важнейших явлений, характеризующих современное состояние края».

Ярославль был первым или вторым провинциальным городом, где возникло естественно-историческое общество, и Ярославлю принадлежит инициатива и организация в 1901 году первого областного археологического съезда.

8.

Минуем специальные и научные работы ярославцев, хотя нельзя не упомянуть, по крайней мере, в двух словах о некоторых ярославцах.

Е. С. Карнович, умерший в 1853 г., был одним из инициаторов посева картофеля и клевера, инициатором местных сельско-хозяйственных выставок.

Е. П. Карнович, живший несколько позднее, выделился как историк и автор исторических романов.

Из крестьянской среды вышел М. И. Коновалов, умерший в 1906 г. директором Киевского Политехнического Института, ученый и популяризатор, выдающийся работник в Комитете грамотности и в Комиссии по организации домашнего чтения,

В другой сфере, как живописец, прославился Ф. Г. Солнцев, тоже вышедший из крестьянской среды и впоследствии ратовавший за судьбу даровитых крестьянских детей, обнаруживших интерес к искусству.

В области искусства поэзии имена ярославцев идут непрерывной чередой.

Первым надо назвать Ф. Г. Волкова, писателя и организатора первого русского театра.

Далее идет В. И. Майков, оказавший влияние на самого Пушкина своим «Елисеем», где необыкновенная бойкость стиха соединяется с глубоким интересом к народному быту.

Ф. Г. Волков.

Пушкин поддерживает поэта из ярославских крестьян Слепушкина, награжденного за свои стихи Академией Наук.

В семье профессора Демидовского училища родилась писательница К. Павлова, а за нею следует Жадовская, автор задушевных стихов и беллетристических произведений, посвященных женской доле.

Она современница и личная знакомая Некрасова, поэта горя и нужды, учившего любить и родную Волгу и всю «убогую и обильную матушку Русь» с «печалью и гневом».

Близок к Некрасову и другой писатель-земляк, Л. Н. Трефолев, автор знаменитой «Камаринской», неутомимый работник по изучению родного края,

редактор «Вестника Ярославского Земства», постоянный помощник и опора для писателей-ярославцев, нуждавшихся в помощи и поддержке.

На заре новой крестьянской жизни, около 1861 г., выходят на литературное поприще один за другим поэты-крестьяне Дерунов, Суриков, Иванов-Классик. У каждого из них своя особенность в общем облике жизни и творчества. Дерунов делит внимание между поэзией и местной земской работой, выступая замечательным борцом за интересы школы, Суриков согревает и организует писателей из народа обаянием своей поэзии и личности, Иванов-Классик беспокойно откликается в стихах своих на все мимотекущие злобы дня.

На заре новой жизни для всей России после революции 1905 г. показывается из мрака Шлиссельбургской тюрьмы, как воскресший Лазарь с неукротившимся пылом крамольной души, ярославец Н. Морозов, политический борец, астроном и поэт.

Таков беглый обзор того, что дано Ярославлем в литературе.

Прав земляк наш Иванов-Классик, когда он «бьет челом Старику» Ярославлю. У родного города славное прошлое.

Для жизни русской сцены
Колыбелью он служил,
Он своим „Уединенным
Пошехонцем“ светлый взгляд
Бросил людям просвещенным
За сто лет тому назад,
И в примерах незабытых
Из епархии родной
Много вывел даровитых
И возвышенных душой.

Но прав поэт и тогда, когда он скорбит, что теперь у нас «жизнь общественная вяло еле движется вперед»: и пошевелить воспоминания о прошлом будет не лишним для ярославца. Ему есть о чем вспомнить и есть где поискать бодрящих поучительных примеров.

И. З. СУРИКОВ.
(1841—1880).

И. З. Суриков.

Жизнь Ивана Захаровича Сурикова представляет одну из печальных страниц нашей русской литературы. Детство в крепостной крестьянской семье, юность в «мальчиках» за прилавком, потом борьба за кусок хлеба, мелочные торговые заботы и среди них урывками выхватываемые дни и часы на чте-

ние, самообразование, литературную деятельность, а затем болезнь и смерть при прощальных лучах литературной известности—таковы основные факты несложной биографии Сурикова. Но личность и деятельность поэта настолько трогательны, привлекательны, что стоит остановиться и на некоторых подробностях его недолгого существования.

И. З. Суриков родился 25 марта 1841 г. в небольшой деревеньке Новоселове, Угличского уезда, на берегу речки Новоселки, впадающей тут же по близости в реку Юхту или Юхоть, приток Волги, которая и сама недалеко от Новоселова. Новоселовцы и их соседи принадлежали богатым господам—роду гр. Шереметьевых, которые, видимо, не очень теснили своих крестьян. судя по тому, что в 1861 г., выйдя на волю, крестьяне всей волости отправили своему барину письмо с выражением благодарности за добрые отношения. Суриковы жили тоже не бедно и не злополучно. Отец и дядя будущего поэта жили в Москве на оброке по 30 руб. на душу и занимались торговлей.

Семья справляла прибавление рода по всем обычаям старины. Отца угощали пирогами и кашей, обильно сдобренными солью и перцем, и смотрели, чтобы он ел «не морщась, чтобы сын здоров был». Но должно быть, Захар Адрианович не вынес обрядового угощения и поморщился. С самого детства сын был не очень здоров. Как-то напугала его собака, и он стал болезненно впечатлительным, склонен к нервным припадкам.

А как раз сильные впечатления нередко выпадали на его долю. В притворе родной церкви приковывала и потрясала внимание картина страшного суда, в волости, в селе Юхте, графское поместье удивляло своими диковинными пышными постройками, парком, оранжереями, бабушка сказывала чу-

десные сказки, а к ним еще прибавлялись не менее чудесные рассказы многочисленных странников, проходивших дорогой к «царевичу» — в Углич. Тут наслушался мальчик и преданий старины глубокой о царе Борисе, о закрепощении крестьян, о мученической смерти царевича Дмитрия и скорбных повестей о современных притеснителях крестьянского люда, о всех горях и напастях, от которых прохожие богомольцы думали «найти утешение» на месте кончины царевича-мученика.

Может быть, тогда-то и зародилась у Сурикова его «задушевная мысль-любовь ко всем страждущим и угнетенным», выраженная потом в стихотворении «Детская молитва».

Отдыхал мальчик на лоне родной природы: зимой катанье с гор, весной проводы масленицы, летом рыбная ловля на мельнице. А однажды маленькому Сурикову и его приятелю Сене, сыну дьячка, очень захотелось пробраться и на Волгу. Показалось, что недалеко до нее дойти, но не одолели пути маленькие странники, а через несколько времени Суриков уже лежал в припадке и бредил, услышав о далеком, но обязательном и неизбежном пути — в Москву, куда он должен был ехать, чтобы привыкать к делу, помогать отцу в лавке.

Весной 1849 г. состоялся переезд в столицу по бесконечным деревням и весям до-реформенной Руси, где мальчика поразили картины тяжелого житья-бытья «помятых» барщиной беззащитных крестьян. Красота и богатство Белокаменной после этих картин особенно ошеломили Сурикова. Он ходил точно расслабленный, не видя успокоения и дома, где встречал его темный двор с грязными фабричными, духота и скука, с единственным развлечением — гармоникой и росказнями Пимена Ми-

роновича, тверяка, бывалого, потертого жизнью человека.

Вместо путешествий на мельницу, мальчику пришлось узнать только две дороги: в «ближний» да в «дальний трактир» за отцом, когда его искали дома.

Начиналась та «неволя душных городов», против которой еще так недавно протестовали Пушкин, Лермонтов, с жалобой на которую только что сошел в могилу Кольцов, такой же сын народа, воспитанный степью и скованный прилавком и грошевыми расчетами. Подобно Кольцову, Суриков прошел очень короткий курс науки, года два поучился у двух сестер «Финогеих», имевших что-то вроде домашней школы. «Тятенька» Сурикова, как и «батенька» Кольцова, решив, что сыну больше этой науки и не нужно, был отменно доволен, когда тот с успехом разрешал задачи нехитрой отцовской бухгалтерии, а, между тем, сам мальчик, также, как и поэт Кольцов, только успел с болью почувствовать, как мало он знает и как много может и должен знать человек.

Он видел, что и Финогеихи знают больше, нежели сообщают своим ученикам, Правда, одна из них очень охотно делилась своим необъятным запасом сведений по части всяких «прологов» и «житий», всего того, о чем слышал он и на Новоселовской дороге от разных богомолок и странниц. Но его заинтересовал листок, однажды потерянный другой сестрой; это были стихи: «Стонет сизый голубочек».

Раз уж секрет был обнаружен, Фина Финогеевна должна была уступить просьбам мальчика и дала ему басни Дмитриева. Это и было толчком для поэтического дарования, дремавшего в его душе. Скоро он сам стал мурлыкать какие-то самодельные стишки. Тут же кстати был живой пример сочини-

теля-самоучки—Ксенофонт Силыч Добротворский, беглец из Новгородской бурсы, неудачник, любивший напевать о былой новгородской славе и вольности. Отцу очень не нравилось, что «малый» никак не может оторваться от книги и каких-то ученых речей, точно в попы или писаря хочет приготовиться, и у «малого» вырабатывается привычка читать и писать на лету и на ходу, где-нибудь приткнувшись к забору, к столбу, разложив клочек бумаги на коленке. Чтобы сын не был «дармоедом», тятенька приказал сыну ни ногой не бывать у Силыча, а сыну уже очень нужно было поделиться с Силычем своим особым секретом—стихами, изображавшими пожар, приключившийся по соседству. Силыч стихи прослушал и одобрил.

Между тем, З. А. Суриков, расширяя торговлю, открыл еще лавку и посадил туда сына на отчетность. Это дало возможность быстро зреющему юноше заняться на большем просторе и книгами и стихами под руководством и при участии семьи домохозяев Любниковых, которые даже показали стихи Сурикова какому-то литератору. Тот впрочем оказался строже «Силыча» и выразил такое убеждение, что сыну лавочника лучше заняться «своим делом». Это не смутило начинающего поэта, а только заставило его тщательнее отделывать свои стихи. Но его ждал новый удар. Прошла Николаевская железная дорога, торговля Сурикова, расположенная в районе, занятом извозопромышленниками и на них рассчитанная, сильно пошатнулась; решено было, что Захар Адрианович отправится в деревню, а сын его пойдет помогать дяде Ивану. Дядя Иван был человек крутой. Он уже знал, какие странности водятся за племянником, и очень не одобрял, что он стихотворец и конечно «мешок». О неудаче своего брата он судил также, как тот о неудачах «уче-

ного» Силыча: не сумел пристроиться к хлебному делу и нажиться—сам виноват. «Стихотворца» заставили жить в углу на кухне и развозить по городу товар. Так протянулось года два, пока отец его опять решил начать новое дело в Москве и взялся за скупку старья и тряпья. В 1860 г. сваха Прохоровна помогла ему найти для сына невесту, которая, к счастью, оказалась очень хорошей женой.

Молодым чужой несчастный случай помог начать новую выгодную торговлю. После какого-то большого пожара продавались уголья. Суриковы попробовали скупить их оптом и пустить в мелкую розничную продажу. Дело пошло успешно и привязало поэта к угольной пыли, которая потом и пала на его легкие.

«Тяжело и черно, сморкаешь—угольная пыль... О, нужда, чего она не заставляет делать. Иногда так становится тяжело, что поневоле склонишь голову и опустишь руки. До умственного ли труда в это время... Впрочем это в сторону: у кого нет горя и нужды».

Так писал однажды Суриков своему знакомому. Но не сразу явились у него эти грустные тона. Начало самостоятельной торговли совпало не только с началом тихой хорошей семейной жизни, но и с радостными бодрящими впечатлениями крестьянского освобождения.

Пришла желанная свобода...
 Приди-ж приди ты, свет науки,
 Во тьме светильник свой зажечь,
 Да пусть услышат наши внуки
 Не чуть топящиеся звуки—
 Живую мысль, живую речь

В другом стихотворном отзвуке 19 февраля Суриков сочиняет новую «Колыбельную песнь»:

„Взростешь ты на воле могуч и не робок,
Управишь и сам ты с рассудком своим,
А мы то, родимой, запуганы были...“

Это замечательно яркая параллель к той «Песне Еремужке», которую написал Некрасов за три года до воли, в 1858 г.

„Ниже тоненькой былиночки
Надо голову клонить,
Чтоб на свете сиротиночке
Беспечально век прожить.
Сила ломит и соломушку,
Поклонись пониже ей..“

Обрадованный и одобренный за себя и за других, Суриков возобновляет близкие сношения с Любниковыми, и те на этот раз уже направляют поэта не к какому-то придирчивому литературному профессионалу, а к известному Плещееву, с которым у Сурикова вскоре и устанавливается полная близость. Поэт, написавший «Вперед без страха и смущенья», сказал то же и Сурикову «Работайте без смущенья».

В 1863 г. при содействии Плещеева стихи Сурикова впервые появились в печати в журнале «Рассвет».

Отец опять хмурится, что у сына нашелся новый «Силыч», отвлекающий его от дела, но он и сам становится не очень годным к делу человеком: умирает его жена, и он с горя начинает запивать, так что его приходится и «отчитывать». Отчитыванья настолько помогли, что в следующем году старший Суриков снова женится. С мачехой поэт не мог поладить и должен был порвать с отцом. Пришлось думать о заработке, искать переписки, пробовать работу наборщика. Жена засела за шитье на заказ. Дело дошло до того, что в одну ночь Суриков ушел из дома, чтобы больше не возвращаться. Он вышел на каменный мост и хотел броситься в реку, но

воспоминания ли детства, вызванные видом реки, природная ли мощь духа—но только мысль о самоубийстве не была осуществлена. Поэт простоял ночь на мосту и отправился погоревать и поискать новых сил на могилу к матери на земляческий ярославский уголок Пятницкого кладбища. Тяжелый день закончился в кабаке, куда затащил Сурикова какой-то неудачник, попробовавший другому неудачнику указать свое средство душевного успокоения. Два стихотворения «На мосту» и «Шум и гам в кабаке» остались у Сурикова печальной памятью черного дня.

Положение его несколько прояснилось, когда мачеха сама оставила его отца, и того снова нужно было отчитывать. На этот раз родитель не мешал вернувшемуся в дом сыну заниматься и составлять свою библиотеку. Поэт глотает книгу за книгой, наверстывая пробелы своего учения, а душевное его настроение выливается в красивых, хотя иногда и грустно-спокойных мотивах художественно-обработанной народной песни, напоминающих песни Кольцова.

Почувствовав себя на более прочной почве, Суриков спешит поддержать и других. Он принимает ближайшее участие в судьбе мальчика Моти, тоже поэта-самоучки.

Сотрудничество в «Деле», знакомство с Шеллером-Михайловым вводит Сурикова в настоящую литературную семью, а в 1871 г., он выпускает первое издание своих стихотворений, печатавшихся в разных журналах и газетах, частью бесплатно, частью за скромный гонорар 10—25 к. со строки. Теперь гонорар его уже поднимается до 50 коп. В «Иллюстрированной газете» появляется биография поэта-крестьянина; но с розами неразлучны и тернии: какой-то рецензент недоволен, что в стихах Сурикова очень много «тоски и горя».

Суриков не оставил без ответа этой прекраснодушной критики. Он обратился к этим писателям, которым чужды песни «горя и печали», он заговорил о себе и подобных себе детях народа, пробивающихся на свет и простор.

„Иль братались мы позорно
С ложью темною людской
Нет, всю жизнь вели упорно
Мы борьбу с царящей тьмой;
Наше сердце полно было
К человечеству любовью,
Но от мук оно изныло,
Изошло от боли кровью.
Честны были в нас стремленья,
Честны были мы душою..
Так за чтож кидать каменья
В нас, измученных борьбою“.

Может быть, и этот вызов, необдуманно брошенный критикам поэзии «горя и печали», а может быть и десятилетие 19 февр. 1861 г., не давшее еще всех благ желанной свободы—как бы то ни было, что-то внушило Сурикову мысль обратиться ко всем писателям из народа с призывом к объединению и в первую очередь к изданию общего сборника.

Кстати заметить, еще в 1849 г. и 1850 г. были выпущены два «Ярославских сборника» ярославскими литераторами, искавшими тоже объединения. Трудно, конечно, сказать, была ли прямая связь между этими сборниками и замыслом Сурикова.

На призыв откликнулось несколько человек: Дерунов (Ярославец), Разоренов, Тарусин, Кондратьев, Григорьев, Родионов, Козырев (Мотя) и др.

Суриков весь ушел в издание сборника, не щадя ни хлопот, ни денег.

«Свое личное я нигде вперед не ставлю и не ставил»,—писал он по этому поводу одному прия-

телю:—«моя доля была тяжелая: некому мне было что-нибудь раз'яснить, посоветовать—я был один».

Ему хотелось, чтобы другие хотя отчасти были избавлены от этих мук одиночества.

«Нужна общая связь, нужны общие силы, и всякое дело личности в общем поступлении вперед надо гнать к черту», так пишет Суриков волгарю-поэту, Воронину.

В ближайшем к лавке Сурикова трактире устраиваются литературные собрания писателей из народа. Соберутся, пошлют мальчика за Суриковым, пьют чай, читают свои стихи, обсуждают свои издательские планы.

В 1872 году сборник «Рассвет» вышел из печати, но стихи еще продолжают поступать из провинции, и Суриков хлопочет о том, как бы их устроить где-нибудь в журнале.

На «Рассвет» было обращено внимание.

«Наделали толков в журналистике изданием «Рассвета» сообщает Суриков одному другу,—к лучшему ли—Бог весть».

Некоторые авторы не очень довольны отзывами; их нужно успокаивать, убеждать, напоминать, что всякий успех дается не сразу, что и талантливые, признанные поэты, Пушкин и Лермонтов подолгу отделяли свои стихи, добываясь с трудом совершенства формы.

«Рассвет» в продаже пошел не ходко. Сурикову удавалось удерживать кружок сотрудников от распада. Людям нужно было держать друг друга за руки, но беспощадная смерть сильнее критики давила на их дружбу. Это все были бедняки, с трудом пробивавшие себе дорогу, с надорванными силами. То одного, то другого нужно оплакивать. Григорьев, Родионов в чахотке. Сам Суриков прихварывает с 1873 г. Начинается кашель. «Неделю

здоров, да неделю нездоров». Трое друзей в больнице. Поэт-крестьянин Жаров умер. Дома больные отец, жена.

Таковы впечатления личной жизни Сурикова за это время.

В 1875 г. снова «покойник», тоже свой брат крестьянин-писатель.

„Была воля стойкая,
Да разбита злой нуждой“...

Чувствует Суриков, что и время не слишком благоприятное для таких поэтов-самоучек, как он и его ближайшие друзья. «Красота и истина вечные идеалы, но теперь время различных реформ». Нужно что-нибудь исключительное, а не только звание крестьянина, чтобы общество заметило нового автора, хотя и «не поле нас насеяно». «Один другому обязан помогать, без всякой формальности и спеси, не застегиваться на все пуговицы: «растрепаем оно как-то вольней».

Что за беда, если журнал не взял какого-нибудь стихотворения? «Если бы я рассказал тебе все свои неудачи. Да вот устоял же. Стой, брат, и ты. Надо поработать, потрудиться».

Так подбодряя и сплачивая своих друзей, Суриков и сам находит время усиленно работать, пробует от лирики перейти к историческим сюжетам и, добившись помещения в «Вестнике Европы» двух своих поэм «Садко» и «Богатырская жена», пишет по летописным источникам «Василько».

Новой стороной в творчестве Сурикова были еще стихи для детей, которые в 1874 году стали у него появляться в «Детском чтении», «Семье и Школе», «Воспитании и обучении».

Знакомится Суриков с новыми для него сторонами и в издательской практике.

316305

«Смеха ради» сообщает он другу, что редакция «Дела» обсчитала его на семь рублей.

«Журнал Дело» проповедывал о развитии в нашем народе умственного и физического труда и о нестесняемости его; зло преследовал всякую эксплуатацию труда человека. Слова, слова, слова и слова».

Очередной серьезный удар, обрушившийся на Сурикова в 1874 году, был пожар, истребивший его имущество, его библиотеку, рукописи его и его знакомых литераторов. «Дорогой мой Саввушка, пишет он Дерунову: отвечаю на твое письмо на скорую руку, ибо писать нечем и негде: живу пока без квартиры на дворе. У меня, брат, случилось великое несчастье—пожар»...

После пожара у поэта было даже такое настроение, что и жить и трудиться не для чего. Но это скоро прошло, и уже в ответ на письмо Дерунова, вызванное этими настроениями, Суриков пишет ему: «Отозвались великою скорбью в сердце моем твои слова: «да часто стало приходиться на ум-разум, не метнуться ли в сторону, не махнуть ли на все писательство рукой. Что оно дало мне, кроме страдания. Живут же люди, да как живут то, не зная ни печали, ни скорби, ни тревожений—припеваючи». Это выходит то: заглушить деятельность мысли, потребность духа, выражать свои воззрения на видимый мир, сделаться человеком чисто материальным; но это легко сказать словом, но каково исполнить это на деле?».

Как тяжело сказать уму:
Оборотись, иди во тьму.

Что живут люди, не мыслящие ни о чем другом, кроме материальных приобретений, живут хорошо—с этим я вполне согласен. Эх, друг, Сав-

вущка, нам с тобой так не жить, а следовательно об этом поздно говорить. Наши волосы начинает покрывать уже седина, переменять свои убеждения немислимо, да и невозможно, полдороги мы с этими убеждениями прошли, а последнюю половину как-нибудь дотянем».

Вспоминая в стихотворении «На мосту», как он сам когда-то в отчаянии восклицал:

. „Боже, для чего ж
Нас в мире честно жить учили,
Когда в ходу одна лишь ложь,
О чести-ж вовсе позабыли“?

Суриков уже не возвращался к таким настроениям. Ему все еще казалось, что он мало работает и в стихотворении «Покой и труд», он укоряет себя за стремление к праздности.

«Возобнови остаток сил»,—говорит он себе.

В прекрасном стихотворении на тему волжской дубинушки: «ой, дубинушка, ты ухни», поэт призывает к труду.

„Друг, трудящемуся брату
Будем смело помогать...
За добро добром помянут
Люди нас когда-нибудь,
И судить за то не станут,
Что избрали честный путь“.

Он видел и понимал, что дарованье должно соединяться с упорным трудом, как он советовал начинающим поэтам.

«Толстые журналы на стихи смотрят очень строго и требуют изящной отделки формы; иначе их и не читают и возвращают обратно. Время Кольцова прошло; тогда на форму стиха смотрели иначе. Теперь напиши такую формою какое-нибудь стихотворение—его ни один журнал, даже плохонький, не напечатает».

С такими мыслями Суриков выпускал в 1875 г. второе издание своих стихотворений.

Конечно, от странных осуждений автор всетаки не оберек себя. «Его, как он сам признавался, «тянет к действительной жизни», так что ему трудно работать над исторической поэмой «Василько», а один рецензент считает нужным преподать ему, как человеку из низшего некультурного сословия, добрый совет поучиться, поработать, присмотреться к жизни.

«Странное самообольщение», рассуждает Суриков: «если я не учился школьным порядкам, если меня не формулировали известной меркой, то это еще не доказывает того, что я ничего не знаю».

Но общий приговор был на стороне поэта, и книжка его быстро расходилась в продаже. По предложению Ф. Миллера и Буслаева он был избран членом Общества Любителей Русской Словесности, и это сильно поддержало его духовные силы, подкапываемые развившейся болезнью и борьбой за существование. «Батюшка мой уже третий месяц, как запил. Дел много. Мечешься, как угорелый, то туда, то сюда—и все оди ... Тяжело живется, тяжело, грязно и душно, и ничего не поделаешь. Живи и мучься... Я, брат, начинаю уставать, силы изменяют. Я поседел и составил».

В другом письме того же года те же речи.

«Второе издание моих стихотворений почти все разошлось... А. Н. Якоби, А. К. Шеллер, А. Н. Плещеев писали мне, чтобы я приезжал в Петербург, и они меня познакомят с теми литературными знаменитостями, которые интересуются меня видеть, но я человек ужасно не под'емистый и черезчур дикий и застенчивый. Что я там буду делать, и что со мной будут делать? Но все это

в сторону. Здоровье мое плохо, грудь болит, задыхаюсь... Да, дорого достались мне мои песни. Я потерял через них мое здоровье. Что делать!.. Судьба мучеников мысли всегда такова».

Эти письма, в которых Суриков, конечно, никому не мог подражать, очень напоминают письма Кольцова. Суриков и сознавал, что многие общие условия их жизни вызывали и общие мысли и образы в их поэзии. В 1875 году памяти Кольцова он посвящает стихотворение «Труженик», где говорит между прочим»:

Трудись и веруй в дарованье,
Оно спасет тебя всегда“...

Но зная, в чем у них сходство и различие с Кольцовым, Суриков не мог равнодушно видеть, как в критике его совершенно смешивают с Кольцовым

«Меня не мало удивляют некоторые рецензенты», пишет он Соловьеву-Несмелову: «они непременно хотят видеть во мне Кольцова. Хотя мы и самоучки, но мы оба разные; при разных условиях пришлось нам жить, чахнуть; да я и не думал никогда быть Кольцовым, тянуться за ним; я хотел быть просто Суриковым, хоть лыком шитым, но быть самим собой».

Несколько позднее тоже по поводу критических статей, указывающих на однообразие поэзии Сурикова, поэт опять обращается к сравнению с Кольцовым. «Мне нужны потрясения, толчки и разнообразие жизни», говорит он. «Разнообразие мотивов зависит от разнообразия жизни, а не от широты взгляда... Область моих наблюдений очень ограничена».

У Кольцова, у Никитина Суриков находит тоже ограниченность не взглядов, а жизненных

впечатлений, и вспоминая Шевченко, у которого талант был, по его словам, не выше, но жизнь сложилась разнообразнее.

„Жизнь дает для песни
Образы и звуки“.

Хотелось по крайней мере на простор, пожить, подышать «за городом», оставить за собой этот «город душный». Редкие случайные впечатления деревенской природы находят живое звучное отражение в поэзии Сурикова, чувствующего, что пожалуй и недолго ему осталось любоваться природой.

В 1877 году вышло 3-е издание стихотворений Сурикова, и можно было подумать о серьезном лечении. Смерть продолжала напоминать о том, как быстро несутся дни недолгой жизни народных писателей. Умер Левитов. Потом умер Кафтырев. Суриков написал некрологи по поводу смерти того и другого. Некролог Левитова был напечатан, некролог Кафтырева пропал: «цензура не пропустила». «Впрочем», добавляет Суриков в письме, «я сам виноват. В этом некрологе я набросал общий очерк тяжелой жизни, а тем более тяжелой смерти всех писателей из народа, начиная с Кольцова, не минуя Помяловского, Решетникова, Бибикова, Куцевского, Никитина, Сухова, Левитова и кончая Кафтыревым. Картина вышла действительно мрачная».

Литературный гонорар и щедрая помощь издателя Солдатенкова дали поэту возможность весной 1878 г. выбраться на кумыс в Самарскую губернию. Воздух родной Волги сразу оживил поэта:

„... Закипела
Снова жизнь во мне ключем.
Я впиваю воздух жадно..
Душный город далеко.
Как душе моей отраднo,
Как груди моей легко.“

Перед отъездом Суриков почти перестал писать; вырвавшись на волю, он уже шутливо замечает друзьям, что «нацарапал» несколько стихотворений, да «планы кое-какие еще есть, может быть испеку и еще несколько стихотворений».

1878 год встречал он, как 21-й год на «пути борьбы, лишений, невзгод, труда».

Поездка на Волгу рассеяла это настроение. Письма с пути все отличаются живостью, шутливостью. Вот, например, описывает Суриков, как на пароходе ветер сорвал у него фуражку, и ему вспоминается, как слетел клобук у Иоанна Иерусалимского, когда тот сумел поймать беса и заставил его свозить себя между заутреней и обедней во святой град Иерусалим. «Зрелище-то, мой друг, какое!» Фуражка плывет по воде. Пассажиры смеются и предлагают свои шляпы, даже барышня какая-то потчует своей палевой шляпой. Весело.

На кумысе отросла «бородища». Новые приятели, учителя-кумысники, смеются, что Иван Захарович в танцах «дамам бородой все глаза выхлестал». Опять весело...

В стихах постоянно прорываются светлые картины природы: «Погоняй, ямщик, скорее», «Вот и степь с своей красою», «Догорела румяная зорька вдали», «Занялася над степью заря», «Над широкой степью хищный коршун вьется» и т. д.

Доктора напутствовали Сурикова настойчивыми советами побережь здоровье и бросить торговлю углем и железным старьем. Но совет легче было выслушать, чем исполнить.

Суриков мечтал приступить к изданию своего журнала «Зарница», и ему обещали разрешение, но время было суровое, и обещанное разрешение затягивалось.

«Зачем? Невольно припоминаются слова Некрасова. Затем, чтоб человек не баловался».

Весной 1879 г. Суриков опять поехал на кумыс, и опять его забавляют всякие случаи. Горничная в гостиннице, узнав от барыни, что Суриков сочинитель, просит стишков. Доктора соседи, узнав, что «я есмь пишущая тварь, как-то особенно стали расположены ко мне» и советуют поехать в Крым. Но поездка все-таки вышла в конце концов неудачной. Кумыс оказался плохим от страшных жаров, уничтоживших траву, а в Крыму Сурикова измучила лихорадка. В Ялте Суриков страшно скучает: и семьи нет, и болезнь мучит, и праздник без настоящего колокольного звона, и русской речи почти не слышно...

Жизнь подкатывалась к концу.

Поэт как-то особенно строго относился к каждой строке, выходявшей из-под его пера.

Он жалуется, что душа «изболела, видя неправду, ложь, фразерство, двоедушие». «Если многие заведомо лгут, то что же я буду делать с моим стоном, плачем и заветными стремлениями к искренности, к правде, как понимаю. Нет, Бог с ним, с этим писательством, я лгать не хочу».

Хотя бы гражданские мотивы его совсем не трогали. И эти слова и смешны и несвойственны нашей простой натуре».

Мысль его улетает к далекому-беспечному детству, ему хочется в стихах передать старые впечатления. Так он думает в стихотворении «Богомольцы», желает изобразить два типа их—одного действительно верующего, другого—«праздношатаю».

Он очень радуется сообщению, что его стихи «кое-кого трогают и заставляют умственно рабствовать. Это признак, стало быть, некоторой моей полезности».

«Поэту» он пишет:

„Поэт, трудна твоя дорога,
На ней ты радости не жди,
Иди, борьбу веди со тьмою“.

Не поэту вообще, а своему товарищу-поэту он завещает в письме «писать, сообщая о себе, что его песенка спета.

„Пиши, мой добрый, пока есть силы.
Хотя погибнешь ты в борьбе,
Но не погубят люди слова“.

Для себя нам ничего не нужно... А впрочем забыл:

„Когда расстанемся с землею,
Сложив на груди руки,
Нам нужен ящик тесовой,
Чтоб спрятаться от муки“.

В декабре 1879 года жена привезла Сурикова в Москву совсем больным и уже не думающим о выздоровлении.

«Писать я, голубчик, ничего не пишу, ибо не могу: голова и душа не работает», так он сообщает о своем состоянии земляку Дерунову.

В прощальных стихах другому другу, он просит помнить о нем после его смерти.

„И перед тобою в этот миг
Воскреснет друг любящий,
И ты припомнишь вновь мой стих,
Болезненный, скорбящий.
И скажешь ты: его уж нет,
Он спит, скорбей не зная,
Но песня та, что спел поэт,
Звучит еще, рыдая“.

В двух письмах, написанных в начале 1880 г., Суриков повторяет почти в одинаковых выражениях свою мысль, всецело его захватившую: «Скверно, брат; ждать нужно еще худшего, ибо и весна недалеко; а с водой вместе, кажется, и я уплыву... Миша-то Виноградов умер, а?..»

Предчувствие оправдалось. Не довелось И. З. Сурикову послушать в Ялте праздничного колокольного звона на Рождестве, не услышал он и московского пасхального звона: 24 апреля 1880 г. в страстной четверг наступил конец.

На ярославском уголке Пятницкого кладбища прибавилась еще одна могила.

Оправдалась и другая мысль поэта, что песнь его будет звучать «рыдая» и после его смерти. Друзья не забыли его. В Москве через несколько лет после его смерти организовался «кружок писателей из народа в память Сурикова», выпустивший несколько сборников.

Некоторые стихотворения были посвящены поэту, так много позаботившемуся о товарищеской организации собратьев по перу и происхождению. В одном из этих стихотворений автор М. Леонов, обращается ко всем, чья жизнь прошла так же, как жизнь Сурикова:

„Бедные люди, вы много страдали,
Радостей в жизни вы вовсе не знали,
Счастья светлого Вам не дано.
Было вам горе одно суждено.
Жизнь вам казалась мрачной тюрьмой,
В ней все боролися с горькой нуждой,
И непосильная эта борьба
Вас до могилы сырой довела.
Сните-ж покойно вы, скорбные странники,
Жалкие жизни печальной избранники,
Там под холодной могильной плитой
Вы не увидите с горькой нуждой“.

Непосильная борьба длилась для Сурикова 20 лет и довела его до могилы в 1880 году. Началась она как раз тогда, когда также преждевременно, от непосильной борьбы, оборвалась жизнь Никитина, «как степной огонек замерла». А еще

двадцатью годами раньше, в 1842 г. та же судьба постигла Кольцова.

Этих трех писателей нередко ставят совсем рядом и не вполне справедливо.

Известное сходство между ними есть. Они все — дети народа. Не семья открыла и воспитала их дарования, а общие местные условия. Сурикова разбудили прибои волжской волны, навевавшей на него и поэтические предания прошлого и шумные тревоги текущего момента. Кольцов и Никитин выросли на берегах Дона в Воронеже, где Петр, преобразователь России, заложил свой Азовский флот, собрал энергических исполнителей своей воли и развил кипучую работу, последствия которой сказались и на позднейших поколениях.

Чувствуя свою силу в массе, а не в узкогрупповых интересах и способностях, все три поэта постоянно обращаются к мотивам народной поэзии, но не в одинаковой степени. У Кольцова художественная обработка народной песни занимает исключительное место в его поэзии. У Никитина и Сурикова это уже не так заметно. Суриков любит и понимает язык народной песни. Его переработка народной лирики не уступает кольцовской, а по отделке даже стоит выше, и также нигде не режет слуха неверной нотой. Иногда он берет свою тему и придает ей настолько естественное, народное выражение, что его стихотворение становится народной песней, как, напр., «День я хлеба не пекла, печи не топила».

По глубине и силе выражения те стихи, где Суриков говорит о своей тяжелой доле, ближе сходятся с соответствующими стихами Никитина, а не Кольцова.

Когда он сурово обрушивается на душный город, «точно склеп сырой, могильный», где он «едва

едва не сгинул в бездне горя, море слез»,—в нем слышится современник Некрасова, а бодрые призывы вперед, к труду, которыми разрешаются минуты скорби и сомнения, сближают его с Плещеевым. Это мотивы, которых не слышно в таком выражении ни у Кольцова, ни у Никитина. Здесь Суриков—Суриков, хоть и «лыком шит», но сам по себе.

Нельзя сказать, что здесь простое подражание и названным поэтам—Плещееву и Некрасову. Это просто—вопросы времени, усвоенные Суриковым.

Вне всякой зависимости от Ал. Толстого пишет Суриков свои исторические поэмы-былины, хотя внешнее формальное сравнение было бы возможно. Незачем искать образца для тех суриковских стихотворений, где он говорит о своей любви, где обращается к памяти матери. Это глубоко искренние, личные мотивы его творчества.

Таким образом, место Сурикова в русской литературе никого не затемняет и никем не вытесняется. Он был нужен в истории нашего общественно-литературного развития, пришел в свое время, сказал свое слово.

Это слово просто, искренне, кротко, поэтично. Не играя на том, что он крестьянин, да бедняк, да самоучка, Суриков постарался придать всем своим произведениям возможно более совершенную форму и верный лучшим заветам литературы, жил чтоб «мыслить и страдать», зная в поэзии не только восторги вдохновения, но и радость упорного труда.

В этом и его право на серьезное внимание историка литературы. Он не диковинка, «углицкий медвежонок», которого когда-то интересно было взглянуть генералу-домовладельцу, прослышавшему,

что этот «медвежонок» пробует писать стихи и обнаруживает какую-то умственность.

Его нужно читать, чтобы найти у него близкие для себя думы и настроения, его нужно изучать по общим приемам литературного изучения, в обстановке его времени, в кругу вопросов нашей общественности, в связи с писателями, его предшественниками и его преемниками.

А. Ф. Иванов-Классик.

(1841—1894).

Природа своими дарами не обносит никого, но условия, созданные самими людьми, то дают пышно созреть, то преждевременно прекращают жизнь заповишим в душу челсвека семенам.

Издавна вспыхивали искорки таланта в нашей крестьянской среде, но трудно было им разгореться до такого костра, каким пылают имена Пушкина, Толстого и других поэтов, воспитавшихся в неге дворянской семьи.

Немного старше Пушкина был поэт из крестьян-ярославцев—Слепушкин, но его творчество так и осталось почти незамеченным в лучах пушкинской славы.

Только первое значительное завоевание лучшей доли для крестьян—их раскрепощение в 1861 г. приоткрыло пути крестьянскому таланту, и как раз около этого момента заявляют о себе несколько даровитых писателей, выросших еще в крепостной Руси. В числе их были сверстники—ярославцы—И. З. Суриков и А. Ф. Иванов.

Алексей Федорович Иванов родился 2-го февраля 1841 г. Его отец был крепостным крестьянином помещика Бутурлина, любимского уезда, и, по обычаю земляков уходил на промыслы в столицу, в Петербург, где занимался торговлей.

Незадолго до рождения сына он вызвал к себе из деревни свою жену, так что будущий поэт еще до рождения оторван был от родных полей и лесов, от деревенского приволья, о котором он сильно грустил.

Ему пришлось увидеть свет в неприглядной обстановке оброчного крестьянина, экономившего каждый грош из своего приказничьего жалованья, чтобы скорее скопить деньги на выкуп и вырваться на волю. Это ему и удалось наконец, и он, оправившись, открыл собственную торговлю в Чернышевском переулке.

Более сознательная пора детства проходила для мальчика не без радостей. Особенно вспоминаются ему потом такие дни, когда семья бывала в сборе, и когда родителям среди городской сутолоки и однообразия хотелось создать обстановку деревенского праздника.

Счастливое время, веселые годы!
 О, светлое детство, тебя не вернешь,
 Ты в памяти нашей, как вешние всходы,
 Над темной могилой теперь восстаешь...
 Крестом осенивши меня над кроваткой,
 Уходит родная,—я знаю, она
 На утро мне елку готовит украдкой,
 И детская думка восторгов полна...
 От храма торжественно звон долетает,
 В кружок свой радушно собралась семья,
 И жарко целуя, меня прижимает
 К горячему сердцу родная моя.
 Настали и святки-рассказы, преданья,
 Ждут „ряженных“ нынче,—ну то ли не пир!
 Веселье и хохот, и робость гаданья,
 И сказок волшебных таинственный мир.
 Все дышет весельем беспечной свободы...
 О, светлое детство, тебя не вернешь..

Эти воспоминанья в „Рождественской думке“ впечатлительный и отзывчивый поэт заключает хорошо обрисовывающими его строками:

Но есть горемыки, которые ныне
Иными мечтами припомнят тебя.
Их детство сурово, и волею неба
Утех не видали они никогда.....
Протянем же руку, протянем скорее
На помощь от горя, гнетущего их...

Можно себе представить, как развернулся бы этот поэт, „созданный и одухотворенный великой эпохой освобождения“, по выражению А. Коринфского, если бы на смену елки и сказок родители принесли ему книгу и школу.

Но обстоятельства складывались иначе.

Было время, когда даже помещица Любимского уезда жаловалась своей тетушке на излишнюю науку.

„Пишу Вам, тетенька, что я просила папешку, чтобы он учителя продал, а он еще двух купить собирается“.

Не будем же удивляться, что бутурлинский крепостной, которого самого еще недавно могли и продать и купить, мало думал о приискании учителей для своего сына. Ему нужен был помощник в лавку, немного разбирающий грамоту; он и отдал сына в школу на один год, а потом взял его „к делу“.

Но мальчик успел привязаться к книжке. Он принялся усердно читать все, что ему попадало в руки. А попадалось ему книг порядочно: из соседнего книжного магазина приказчики давали по знакомству. Только нужно было хорошенько прятать чужое достояние, а то родители увидят книгу—и в печь, чтобы мальчишка не баловался, а больше занимался „делом“.

Из того же магазина юный читатель принес и свое прозвище „Классик“, выбранное им впоследствии для своего литературного псевдонима. „Классиком“ окрестили его приказчики за то, что он

постоянно носился с книжками смирдинского издания „классиков“.

Но в том же магазине, где его чуть не на смех снабжали книгами, как на смех обкармливали детей в той же среде Апраксина рынка и Гостинного двора, встретился Алексей Федорович с педагогом В. И. Классовским, который обратил на него внимание и поддержал в нем порыв к знанию, свету, саморазвитию.

Насколько быстро развивался он, видно из его стихотворений, которые вообще являются лучшей его автобиографией. В стихотворении „Старые друзья“ он вспоминает „те дни“, когда „душа рвалась туда,

Где кровь защитников родных
Под Севастополем лилась“.

А это было, когда ему шел всего 14—15-й год. „Замолкла брань“, вспоминает он дальше в том же стихотворении:

и средь забот
Пошел иных событий ход;
Вперед рванулись мы смелей,
Свободы слово раздалось,
И светлый мир благих идей
Нам пережить с тобой пришлось.

Но уже несколькими строками ниже мы видим намек и на перемену настроений: „старый друг“, к которому обращается поэт, очутился далеко: „судьба вдруг разлучила“ их, и занесла его в „глухой страны степной простор, сугробы снега и мятель, мороз и цепь высокик гор“.

Но после того, как „огнем кипела грудь“, юношу никакие морозы не могли бы охладить.

Среди общественного возбуждения, закрепившего навсегда дружеские узы, не так посчастливилось любви. Порывы чувства как то остались

неудовлетворенными, и поэт так и прожил всю жизнь бессемейным одиночкой, что не мешало ему быть душой общества в любой компании, остряком, весельчаком, неистощимым на шутки в прозе и в стихотворных экспромтах.

Домашнее одиночество, может быть, только способствовало привычке при каждом удобном случае поехать туда или сюда. Поэт сделался большим любителем путешествий.

Первые его пути были в родную деревню. Как только „раздалось слово свободы“, он тоже уже „летел в глушь родной страны“, взглянуть, как принимается крестьянский люд за свой „вольный труд“.

„Как был хорош весенний пир!“ (На перепутьи).

В 1861 г., на заре крестьянской свободы, появилось в печати первое стихотворение Иванова „На смерть Никитина“.

Начинающий поэт оплакивал смерть своего ближайшего предшественника, тоже поэта нужды и горя.

Вступая в литературную семью, Иванов горячо приветствует новые условия общественной жизни и обращается к „слову“:

Будь смелей ты, слово честности,
Появись и с силой новою
Прозвучи в родном краю.

Он обращается и к „русской удали“, с которой упали старые цепи:

Стремись без устали
Ты к добру да к разуму,
К солнцу божьей истины,
К благу просвещения,
К благу всенародному.

В один голос с другим ярославским поэтом, Некрасовым, отчасти и под его влиянием, Иванов высказывает надежду, что

Настанет пора для родимых сторон,
Голос правды, добра прозвучит,—где теперь
Раздается одних голодающих стон.

Но и самому поэту в столице жилось не лучше, чем деревенским беднякам „вдалеке от столиц“.

В том же 1861 г. умер его отец, незадолго до смерти передавший ему свое дело далеко не в блестящем состоянии. Приходилось усиленно бороться за существование, а в 1863 г., во время пожара Апраксина рынка и Щукина двора, уничтожены были до тла и последние остатки семьи.

Алексей Федорович был вынужден поступить в приказчики, окунуться опять в ту среду, где прошли его отроческие и юношеские годы, и где ему было слишком тяжело.

В 1864 г. основался „Петербургский Листок“. Иванов заводит связи с этой газетой, прочно обосновывается там и остается ее сотрудником до самой своей смерти, не прерывая более или менее постоянного участия и в других изданиях, печатаясь под разными псевдонимами: „Классик“, „Ивановский“, „Старый воробей“ и др.

В 1868 г. в „Деле“ была напечатана его повесть „Беспутные дети“, и хотя она обратила на себя внимание печати и публики, автор не перешел к прозе, а остался по преимуществу поэтом-лириком. Это было не только „призванием“, но, как можно, к сожалению, понять, и горькой неизбежностью. Как-то уже в пору своей известности Иванов жаловался своему спутнику по Кавказу, тоже литератору: Времени нет написать что-нибудь великое. Непрерывная газетная работа иссушает мозг, способствует обмельчанию впечатлений. Минутами проносятся светлые образы, — мечтаешь увлечь читателя, но проклятый вопрос: есть. Опускаешь руки и строчишь рифмы, посмеиваясь мирно

над ничтожными явлениями будничной жизни. („Русск. Обзор.“ 1894 г. № 9).

В таких стихах, брошенных газетному издателю в обмен на хлеб насущный, Иванов под час выступает с повторениями сатирических мотивов Некрасова и Щедрина, но чувствуется, что

Рвутся на волю мечтанья кипучие,
Держит их жизнь, будто зло на цепи.

Условия собственной работы особенно ярко выясняли для поэта трудовую горечь в жизни таких же пролетариев, как он, и потому в его стихах мы постоянно встречаемся с выражениями теплого участия к „беднякам, прикованным к труду“. Им одна „свобода“:

Дыши свободно
Городскою пылью.

Но как ни тяжел был газетный труд, поэт все-таки предпочел его труду приказчика и при первой возможности оставил прилавок.

В 1873 г. он уже издает собрание своих стихотворений под заглавием: „Песни Классика“, а в 1874 г. переиздает в „Красной библиотечке“ своих „Беспутных детей“.

Увеличение литературного заработка дало возможность Иванову расширить пределы своих путешествий. Он ездит за границу—во Францию, Германию, в Италию.

Но все заграничные прелести не заглушают любви к родной стороне, к матушке Волге и к родимому любимскому захолустью. Дома, в России, опять раздолье и простор, и среди родной природы особенно хочется верить, что родина „расширит свой путь

Правдой, грамотой, наукой
И благом мирного труда“.

Но поэту невозможно закрыть глаза и на то, что есть в действительности.

В стороне родимой
Встретили меня
Бедные деревни,
Тощие поля.
Радостной надежде
Снова изменя,
Грустно, край родимый,
Встретил ты меня.

Благами свободы скорее всего научились пользоваться ловкие себялюбивые люди.

Вот, напр., „благородный русский филантроп“. Ему отовсюду почет и уважение, а между тем еще его родитель „бывший в Ярославле жалким свинопасом“, выбрался в столицу и разбогател не столько обычной торговлей, сколько тем, что „прятал казнокрадов под родную кровлю“. Такие отщепенцы деревни идут в гору, а в массе деревня не может радовать взора. Поэтому вспоминается ироническое замечание Некрасова о прежних упованиях господских крестьян:

Вот приедет барин,
Барин нас рассудит.

Он пишет под этим Некрасовским эпиграфом свое стихотворение „В деревне“.

Страдает свободная деревня от голода, оспы, холода. Жалуются крестьяне: никто их не вспомнит, да вместе с тем и уповают по старой привычке:

Вот приедет дохтур—
Дохтур нам поможет.

Но вместо „дохтура“ налетает со звонком становой за недоимкой, а „дохтура“ дождалась деревня только тогда, когда уже стало „некому лечиться“.

„Доктор закурил сигару и уехал в город“.
Двухсотлетний юбилей со дня рождения Петра

Первого в 1872 г. дает повод Иванову напомнить согражданам, что давно для них „очищен путь-вперед“.

Он зло подсмеивается над жалкой борьбой с молодежью, с ее увлечениями. Он дает „рецепт от нигилизма“:

Каткова десять граммов,
Пять драхм Крестовского,
Шесть унций Комарова,
Леонтьева чрез край—
Все процедить сквозь сито „Гражданина“.

„Весенний пир“ видел поэт в деревне в 1861 г., а к двадцатилетней годовщине воли он уже встречал в той же деревне „хмурую осень“.

„Былая радость далека“;
Вдалеке от нас остались
Те дорожки, что легли
По лугам под ясным небом
Торжествующей земли,—
Где цветут беспечно розы,
Окропленные росой.
Где сияющее солнце
Блещет вечною красой.

Замечательно, что в сердце поэта, необыкновенно чутко относившегося ко всем невзгодам окружающей жизни, не переставала однако, теплиться надежда на то, что придут светлые дни, если не для него самого, то для следующих поколений.

В разгар турецкой кампании, присоединяясь общему горю бесконечных „проводов“, поэт уже спрашивает:

„Когда жеждемся мы радостных встреч?“

Но вот наступили эти радостные встречи; музыкой, с цветами возвращаются победители— опять-таки сердце поэта не усыплено этой радостью: он успел заметить в ликующей толпе слезы матери:

Сын кормилец не вернулся с бою.

На открытие памятника Пушкину в 1880 г., на его 50-летнюю годовщину смерти в 1887 г., точно также и на 50-летнюю годовщину смерти Лермонтова в 1891 г. Иванов отзывается своими стихотворениями, в которых указывается современникам, что у них есть великое и светлое в прошлой истории, что даже в такую пору, когда „казалось, гибнет честь и совесть“, все же сохранилась пламенная вера к добру и к счастью на земле. „Пусть искренним чувством, сердечным теплом и духом не будем мы сиры“.

С бодрящим заглавием „На Рассвете“ издал Иванов в 1882 г. свой второй сборник, где на ряду с юмористическими стихотворениями на злобы дня он поместил много характерных для него бодрых призывов к труду, к терпению, к борьбе.

Вот, например, несколько строк из стихотворения „Друзьям“:

„Была пора, ключем горела кровь,
Горел огонь высоких вдохновений,
Мы верили и в братство и в любовь
И в чудный мир заманчивых стремлений.
. меж нами многих нет;
Одних взяла безвременно могила,
Других убил набег нежданных бед,
А жизнь иных невольно погасила
Немая скорбь лишений и потерь.
Но в нас, живых, кипит былая сила;
Немного нас осталось теперь.
Зачем же мы, бросая взор угрюмый
На прошлый путь, глядим с тяжелой думой?“

Значительная часть сборника—это стихотворения, ранее напечатанные в различных периодических изданиях, по преимуществу таких, как сатирические журналы—„Будильник“, „Заноза“, „Стрекоза“, „Осколки“.

Не мешает напомнить, что в таком выборе изданий нисколько не проявляется легковесность или пустая смешливость автора. Ведь это были годы, когда беспощадная реакция задушила почти всю политическую печать, когда слабые протесты могли раздаваться именно только в юмористических журналах под прикрытием легкого смеха. Но и над этими журналами не дремало всевидящее око цензуры, и не легка была работа юмориста. На этом поприще Иванов-Классик делил и успехи и тернии с своим земляком Трефолевым и начинавшим приобретать известность „Антошей Чехонте“ — А. П. Чеховым. Как раз в „Осколках“ за 1886 г. А. П. Чехов среди других своих вещей напечатал остроумную табель о рангах для литераторов, поместив Иванова-Классика в „титулярных советниках“ литературы вместе с Баранцевичем, Златовратским, С. Атавой, Вас. Немирович-Данченко и друг.

Эта оценка появилась очень кстати к юбилею поэта.

В 1886 г. 2-го декабря исполнилось 25 лет со дня появления в печати первого стихотворения Иванова-Классика. Ближайший к нему кружок литераторов тепло, по-товарищески чувствовал юбиляра.

Бывший в числе других поэт Плещеев сказал, между прочим стихотворный экспромт, приглашая:

„Почтить того, кто четверть века
Благие сеял семена,
Служить для брата человека,
Чья муза свыше призвана“.

Юбиляр не замедлил стихами же возгласить тост за то,

Чтоб мы открыто, не в тиши,
Связь дружбы положи в основу,
Словами сердца и души
Давали жизнь родному слову.

25-ти-летняя литературная деятельность—это не малое дело в наших условиях, где быстро изнашивается человек, а Иванов-Классик мог с полным правом сказать о себе, что он еще не растерял юной бодрости:

„Не боясь грозных бурь, продолжал я итти
Все вперед, да вперед в неизведанный путь,
И проклятое зло на раздольном пути
Не могло надломить мне открытую грудь“.

Попрежнему неутомим он был и в своих странствиях, а в 1889 г. издал книжку, „Веселый попутчик“, где собрал свои путевые впечатления.

Как будто в противоположность старым „чувствительным“, „сентиментальным путешествиям“, Иванов-Классик—„Веселый попутчик“—так и называется его книжка.

Более всего здесь говорится „о красавице Волге“. Автор сочувственно вспоминает слова Аксакова:

„Не знает тот России, кто не бывал на Волге“

На Волге:

„Необъятною картиной очарован взгляд живой.
Отдохнуть здесь сердце радо.
Волга клад, нам данный Богом,
Счастья русского залог“.

Уже на пути к Волге поэта охватывают воспоминания старины. На память приходят богатырские поездки Ильи Муромца. Вот бы воскрес богатырь древне-русский, встретился бы с новыми вражьиими силами—с „предателями Иудами“ и „бездушными торгашами“.

„Посмотрели бы мы, как Илья Муромец сразился в наше время с этими силами“.

В „оглашенном Царицыне“ автор вспоминает, о другом богатыре Петре I-м с его дубинкой и тоже думает, что нашлось бы и теперь дело и для Петра и для его дубинки.

Жегули говорят много поэтическому воображению—это место, куда уходили вольные русские люди от жизненной тесноты. Всплывают имена Ермака, Кольца, Разина...

Выше по Волге, в родных краях, от Нижнего до Рыбинска, видит автор „песчаные берега, безмолвные свидетели бурлаческой жизни, воспетой стихами—Некрасова“.

Он „бьет челом“ родному Ярославлю с его богатой историей, но сожалеет, что ныне „жизнь общественная вяло еле движется вперед“, „город спит на капиталах современных торгашей“.

В 1891 г. Иванов-Классик еще успел издать томик „Стихотворений“, в то время, как первый его сборник уже сделался библиографической редкостью.

К сожалению, среди лиц, близких поэту по родственным связям, не нашлось никого, кто бы интересовался судьбой его произведений и вообще судьбами русской литературы. Самого же поэта в 1894 г. не стало. Он простудился на рождественских праздниках, заболел крупозным воспалением легких и 3 января умер.

Незадолго до смерти, по просьбе литератора-земляка Трефолева, очень ревниво оберегавшего всякую память о родном крае, Иванов-Классик передал ему свой автобиографический очерк, и Трефолев печатно сообщал, что он в скором времени использует эту рукопись, но он сам умер, не успев этого сделать.

Несколько некрологов довольно кратко отозвались на смерть поэта, согласно, впрочем отметив, что сошел в могилу „рыцарь без страха и упрека“ и светлая личность; „веселый собеседник“, но вместе с тем и отзывчивый товарищ, „готовый делиться последней копеей“.

„Стихотворения“ в издании 1891 г. свидетельствуют о том, что Иванов-Классик умер, еще не завершив своего дела, не исчерпав своих дарований. Обязанный в своем развитии почти только себе, он не приостанавливал работы над самим собой и все время раздвигал свой кругозор самообразованием. Он знакомился с иностранной литературой и удачно пробовал свои силы в стихотворных переводах. Как будто свое правило нашел он у Стерна:

„Если ты привык, как птица,
Волей дорожить,
То живи, чтобы учиться,
И учись, чтоб жить“.

Но в поэзии, как и в природе, поэт находил „за синим морюшком“, на „дальней сторонушке“ много красоты, а все-таки искал „сердца и души“ только у себя на родине, где много „силы волюшки вскормлено и вспоено нашею кормилицей-матушкой-рекой“.

Прекрасно передает поэт мотивы наших великорусских песен и близких нам песен малороссийских.

С песней народной близки ему и народные поверья. И гаданья „Семика“ и „Ночь на Ивана-Купала“, „ночь чародейка“—все это живет в его стихах.

„Ивушка“ и „весна-красна“—это тоже поэтически отражается в его творчестве.

Природа его „учит жить,
Бороться вечно с темным злом
И истине служить“ (с польского).

С приходом летних дней поэта „влечет безумно“ в деревню, на лоно природы. Ему хочется здесь набраться новых сил. Но поэт „служит истине“. Поэтические стороны деревенской жизни не затемняют для него горькой действительности. Из родных полей в истоптанных лаптях бредут родные гости в столицу добыть лишние гроши или сложить свои надломленные кости.

„Бог на помощ тебе, рабочий, бедный люд“.

Поэт отдыхает сам, как „присяжный пролетарий“, но не гонит от себя мысли о труде.

„Клейма суровости с чела мы не сотрем,
О счастья людском, как дети, понимая,
И в дни веселые ликующего мая
Смотреть нам суждено угрюмым сентябрем“.

От поэта одинаково далеки и беззаботные ликующие голоса праздных, сытых, богатых людей и скорбные, жалобные причитанья разочарованных.

„Чем трудней года лишений,
Тем лучше жизнь мы сознаем“.

В прекрасном стихотворении „Гусли-мысли мои“, автор высказывает уверенность, что

„Нельзя бодрых сил горькой долей сгубить,
Если в жизни есть грусть, то и радости есть“.

В другом месте из стихотворений последнего сборника он говорит:

„Жизнь не проблеск, жизнь не шутка,
Счастье впереди,
В нашу жизнь, моя малютка,
Ты трудясь входи.
На нужду смотри яснее,
Не стыдись труда,
Он надежней и честнее
Ложного стыда“.

Постоянный призыв к бодрости, постоянная речь о „счастьи впереди“ для трудящихся и нуждающихся перемежаются в творчестве Иванова-Классика с постоянной насмешкой, то добродушной, то злой по адресу тех, чья жизнь очень кратко и очень едко обрисована у него в таких стихах:

Появляется,
Обучается,
Выпускается,
Назначается,
Производится,
Отличается,
Переводится,
Исключается.

К ним он обращается с вопросом:

„Вы смотрели-ль на бедный народ
Без обманчивых в жизни очков“?

— „Нет“ — говорит он за них — „мы

Быстрее сокола
Летим да кружимся
Вокруг да около.

Поэт знает, как „ночь хороша“, но он знает, сколько под покровом ночи совершается преступлений, обманов, убийств господами жизни.

Он видит в жизни „два креста“, — крест на „высоко поднятой груди“ чиновного туза, рекламирующего свои заботы“, и крест над снежным роковым холмом низко-закопанной могилы“, где нашел себе приют бедный певец, действительно скорбевший об этом меньшем брате.

Особенно часто останавливается поэт на судьбе несчастных женщин, сбитых с чистого пути, поруганных и брошенных, и он осуждает злую насмешливость людей, не сумевших во время поддержать жертву насилия.

Характеристика поэта, связь его с исторической эпохой, образец его стиха накануне его преждевременной смерти, все это мы видим в его стихотворении „Осеннее раздумье“, помещенном уже после его смерти во „Всемирной Иллюстрации“, где он долго работал.

Этим стихотворением и закончим наш очерк. Вот оно:

„Среди духовной темноты,
 Как тяжкий сон, тянулось время,
 Смирялись пылкие мечты,
 Добра и правды гложло семя.
 Тяжел был труд родной земли,
 И рабства мрачные картины
 Тая от света, гордо шли
 Д а в н о м и н у в ш и е г о д и н ы .
 Как время чудное весны,
 Как юный пыл восторгов бурных,
 Встряхнув томительные сны,
 Под красотой небес лазурных,
 Карая злобу и обман,
 Г н я все мрачное и злое,
 Зарюю ясной сквозь туман
 Блестит недавнее б ы л о е . . .
 Томит осенняя хандра,
 Ведутся речи неохотно,
 На вспышки злобы и добра
 Теперь мы смотрим безотчетно.
 Проходит быстро день за днем,
 И тешась мишурой блестящей,
 Чего-то нового мы ждем.
 В волнениях жизни н а с т о я щ е й .
 Но собираясь в дружный клир
 Зовут людей на путь широкий
 Наука, труд, любовь и мир,
 И светоч истины высокой.
 И над оградами могил
 Еще могучее и краше
 В святом союзе мощных сил
 Сияет б у д у щ е е н а ш е .

Савва Яковлевич Дерунов.

Над пошехонцами издавна привыкли мы пошеиваться: толоком—дескагь, Волгу замесили, в трех соснах заблудились.

Понятно, это немного чести—заблудиться в трех соснах. Но не нужно забывать, что были и такие пошехонцы, которые и сами не блудились, да и другим пути указывали, так что о тех же пошехонских лесах и то можно сказать, что сказал наш ярославский поэт Л. Трефолев пошехонцу С. Я. Дерунову в своем славном стихотворении: «Пошехонские леса».

Закручинились родимые лесочки, бесконечные, непроходимые, вековечное жилище проказливых леших и неуклюжих мишек.

Жили мы спокойно с мишками,
Лешим не были обижены;
А теперь, на грех мальчишками
Пошехонскими унижены.
Доля выпала суровая,
Зашумели глухо елочки.
Здесь стоит изба тесовая
Вся новешенька, с иголочки,
Земской школой называется.
Ребятишек стая целая
В этой школе обучается
И шумит, такая смелая
И мешает нам дремать в глуши,
Видеть сны, мечты туманные...
Хороши-ли путник, сам реши—
Эти школы окаянные.

В 1870 году в такой форме Трефолев отличил самую выдающуюся заслугу пошехонского поэта и

земского гласного, с самого открытия земства выступившего на решительную борьбу за школу и просвещение. Литературная деятельность С. Я. Дерунова близко связана с этой его культурно общественной работой, и о той и другой надо говорить вместе.

Родился С. Я. Дерунов еще в 1831 г. в бедной крестьянской семье и в крепостное время. Самому ему не пришлось узнать школы, но и своих и чужих детей он неутомимо вел через школу.

Когда в 1894 г. пошехонское земское собрание выразило ему благодарность за 25 летние труды по школе, Дерунов ответил:

«Правда, я самоучка, я только самоучка и не школе обязан моим образованием, но прошу верить, господа, что я высоко понимаю значение школы».

В детстве не школа, а сказки да песни расшевелили пытливым ум ребенка.

У нас в литературе высоко чтится память няни Пушкина, давшей ему познать ценность народной поэзии. Для Дерунова главным источником такого воспитания была его бабушка.

Безвестною никем не оцененной прошла ее жизнь, точно пыль придорожная пролетела, по словам Дерунова, но в его памяти навсегда сохранился образ этой старушки, и сказкой и лаской обогативший его детскую душу, и у него «стих невольно льется», когда он сам уже в преклонных годах вспоминает о ней.

Вспомню я избушку
С маленьким окном,
Бабушку старушку
С прялкой пред светцом.

Под завывание вьюги сказывается одна за другой бабушкина сказка и после них

Снится: я сердечно
Всех хочу любить,

Радости и горе
 Пополам делить.
 Выросту—и бабку
 Буду чтить святой;
 Старенький и нищий
 Будет мне родной.

Вспоминает Дерунов еще какого-то певца былин

С детства помню человека
 С белокурой головой,
 Пел былины, был калека,
 Тешил песней былевой.

Вот кто были первыми воспитателями будущего поэта.

Среди всего того, что слышал он в детстве, впоследствии он сумел найти и различить и поэзию и грубое суеверие, и сознательная его работа определилась в двух направлениях: сохранить и собрать поэтические воззрения народа, и с суевериями, оставшимися от древних времен, поддерживаемыми разными «пройдохами» — бороться с помощью школы, не жалея родимых лесов на постройку школ и загоняя и «мишек» и «леших» подальше от белого света.

Статьи свои о «поэтических и суеверных воззрениях народа в Пошехонском уезде» Дерунов помещал в «Ярославских Губернских Ведомостях» и одну из них напечатал в «Рассвете», сборнике писателей-самоучек вышедшем в 1872 году.

«Пошехонский уезд богат этнографическими материалами, в особенности суеверными», говорит здесь автор, сообщающий много интересных заговоров, примет и обличающий вредную привычку запугивать детей бабой-ягой и другими страхами.

Здесь кстати надо очертить, как могли чисто по пошехонски заблудиться люди, которым дано было стоять на постах вождей русской мысли. Сам Н. К. Михайловский давая отзыв о «Рассвете»

сурово обрушился на эту книжку и в частности о Дерунове сказал, что его «собственные размышления сильно отдают писарем, хватившим цивилизации».

А почему бы не подать руку помощи и писарю, хватившему цивилизации?

Так самоучкой, без какого-нибудь сильного руководителя и пробивал себе Дерунов тернистую дорогу к свету и знанию.

Мало было ободряющих впечатлений, а мрачных, гнетущих сколько угодно.

Вся молодость прошла еще под крепостным игом.

В его рассказах так и вьет духом старины: тут и прижимки деревенского старосты, и сдача под «красную шапку» неугодного управляющему, а потому «негодного человека», погибшего потом под Севастополем, и скорбная исповедь незадавшейся жизни в кабаке—картины, близкие к Тургеневским «Запискам Охотника».

Давно жданную волю встретил народный писатель с глубокой радостью.

Как обычно у него, светлые чувства и надежды связаны с лучшими судьбами детей, нового поколения.

Дед Гордей говорит своему внуку:

Рости, не бойся,
 Не узнаешь бед.
 Волюшку встречали
 Все сегодня мы,
 С ней мы не узнаем
 Рабства и сумы.
 Стал ты непроданный,
 Телом и душой,
 Путь тебе широкий,
 Торный впереди,
 Ум твой—дар природный
 Все оценят—жди.

Будешь ты ученый
 Знать, что написать,
 Книжную премудрость
 Можешь отгадать („Радости деда“).

Знаем мы все, что не полным было торжество
 свободы, и предчувствие новых испытаний у Деру-
 нова так же ясно, как напр. у Некрасова:

Все, кажись, невзгоды
 Все прошли, забыты,
 Луч блестит свободы,
 К знанью путь открытый,
 Людям жизнь иная,
 Новая настала;
 Правда-ль? Но в ответ лишь
 Вьюга завывала.
 Песня, та же песня
 Грустная, былая,
 Над селеньем та же
 Ночь висит глухая
 („Песня“)

Ясно в небе месяц
 Над селом сияет,—

а в жизни крестьянской, попрежнему еще много
 тьмы. Люди «точно тени»

Говорят, что это будто бы от лени,
 Лень тут или горе—
 Жизнь—тьма без рассвета.
 Думаешь, гадаешь,
 Нет тебе ответа.
 Жизнь ты, жизнь лихая,
 Больно гнешь и давишь...

В «Думе Пахаря» названа эта жизнь «бес-
 толковою»

Отчего же такое житье
 Мужик терпит и с ним не справляется?
 Неисходное горе свое
 Разрешить, извести не старается.
 Иль незнанье всему голова?
 Или люди? Гроза разразилась—
 Принагнулась с цветами трава,
 Под дождем полегла, наклонилась.

Задавая себе такие вопросы, Дерунов време-

нами давал волю скорбным чувствам, но духом не падал и от борьбы с этой «бестолковой» жизнью не отказывался.

Сразу же после 19 февраля в 1862 г. начинает выходить журнал для народа «Грамотей», сначала под редакцией Кушнерева в Петербурге, а потом под редакцией Алябьева в Москве. Программа журнала задумана была широко и интересно. На главном листе изображена была школа, озаряющая лучами собравшихся в ней крестьян от мала до велика. Около этого журнала, единственного народного журнала до 80-х годов, собрались сотрудники писатели из народа. В числе их был и С. Я. Дерунов, дававший свои стихи с постоянным своим грустным раздумьем о своих пошехонцах, устраивающих жизнь свою по заветам предков—заговорами да приметам («На Шексне»).

Участвовал Дерунов и в другом народном журнале «Мирской Вестник». Этот журнал стал выходить позднее «Грамотея», но близок к нему по программе. На его виньетке изображена была каменная глыба с надписью: «19 февраля 1861 г.», и редакция, разъясняя смысл такой виньетки, указывала, что «долг образованных сословий братски помочь крестьянину в деле устройства его быта на новых прочных основаниях и в стремлении его к расширению своего прежнего узкого круга деятельности и понятий».

Эта программа как раз подходила к настроениям Дерунова, и он, несмотря на недостаточно «братское» отношение некоторых «толстых» журналов к собрату из народа, старался вместе с другими сотоварищами поддержать издание.

Разбушуйтесь, ветры буйные,
Унесите, чтобы не было
Зла, неправды, дальше за море,

Жизнь о них чтобы не ведала.
 Жизнь иная придт, явится,
 Будто зорька в небе ясная („Песня“)

«Ширь неоглядную» видел Дерунов в «матушке Руси».

Есть в ней великое,
 Есть в ней и дикое.

Ему и хотелось к таким очагам, как народные журналы, собрать все, что есть «великого», чтобы легче бороться с «диким».

Выходи, певец, смелей
 Из толиы народной,
 Спой громчее и смелей
 В песенке народной („Из песен о родине“).

Но работая в столичной печати, Дерунов ни мало не забывал ни родной деревенской природы, ни местных уездных интересов.

Поэту-крестьянину всегда были дороги картины природы и крестьянские думушки.

Что за счастье в поле весной,
 Пышные всходы в полоске родной! („В поле“).

Также близки поэту и жаркие летние дни, когда «в расцвете все в стране родной» и даже осень с поблекшими цветочками, заснувшими до будущей весны.

Эти описания природы очень хороши у Дерунова, проникнуты живою любовью ко всей природе, и к двум цветочкам на меже и их «жизнью и мечтой» и к овечкам, сорвавшим их—всюду и все жизнь.

Радуйся жизнь бесконечная,
 С вечной своей красотой. („Песня весной“).

Поэтические думы Дерунова сливались в одно целое с его общественной деятельностью, где он также верно и убежденно служил «вечной красоте».

Преимущественно его деятельность сосредоточилась на школьном земском вопросе.

Здесь он успел приобрести и большие познания и развиться до взглядов, которые сделали бы честь любому педагогу.

Он неутомимый работник. Он об'езжает школы, вникает в их нужды и постепенно выступает с докладами в земских собраниях.

Начав работать в пошехонском земстве, когда оно имело всего 5 школ с 213 учащимися, Дерунов добивается того, что в школах вводится педагогическая новинка—звуковой метод.

В 1872 г. он убеждает земство дать хоть по 5 рублей на школу для покупки пособий, указывает на необходимость открыть школы по всем волостям.

Без увеличения и улучшения школ, а равно и без пособий земства в первоначальном обучении народа немислимы никакое знание и развитие благосостояния и довольства в народной «жизни в дорогом для нас всех краю».

Земство соглашается с этими доводами, и вот застаем пошехонские леса

„Пошехонскими мальчишками унижены“.

Затем Дерунов ратует за улучшение школьных помещений, вносит поэтому поводу, как всегда, обстоятельный и содержательный отчет о своих раз'ездах по школам.

Ему ясно, что необходимо устройство ночлежных помещений для далеко живущих детей.

Медленность в разрешении этого вопроса привела к тому, что через несколько лет после доклада Дерунова произошли тяжелые случаи замерзания детей на пути в школу.

В 1881 г. в пору общественного перенуга после первого марта и усиленного отката в сторону реакции Дерунов выступает в земстве с бодрящей речью.

«Трудно было открытие школ, когда в земстве много было лиц, противодействовавших открытию их для народа, да и сам народ мало сочувствовал земской школе, предпочитая обучать детей у так называемых «мастериц» чтению по псалтырю и по-славянски. То время прошло. Но и теперь, когда народ и дети полюбили земскую школу, она все-таки смотрит сиротиной, на которую мало обращается внимания, у которой много есть неотлагаемых нужд... Минует, конечно, и это время для дорогой нашей школы... Мы, старые земцы, верим в то светлое будущее время, когда школы в селениях будут также хороши и прочны, как храмы Божии, и в них все юное население узнает великие истины, которые научат быть мужественными сынами великой нашей родины России».

Те, кто помнит время, когда это говорилось, оценят гражданское поведение Дерунова, призывающего к свету и к мужеству вопреки официальной политике мракобесия и рабской души.

Не менее мужественно было выступление Дерунова в том же 1881 году с предложением организовать учительские с'езды. Обращая внимание земства на очень малую продолжительность учебного года в земской школе, Дерунов рассказывал, что по этому и по другим вопросам школы необходимы с'езды учащихся, что на с'ездах будет принята расширенная учебная программа и установлены будут пути к развитию и духовной и физической природы детей. «Только здоровые дети и хорошо воодушевленные духовной силой могут быть мужественны и энергичны, ясно сознавая цель своего бытия, готовые на борьбу с трудной жизнью. Правильно организованные земские школы должны готовить детей для высшего образования. Мы верим, что при той народной сметке нашего народ-

ного гения, при его трудовой и простой жизни много появится из земских школ тех мужественных сил, которые всегда будут дороги и ценны... Хорошо организовать и поставить правильно во всех отношениях школу могут только общими силами учителя, на которых лежит святая обязанность потрудиться для школы и ее чад.

Вот почему мы и просим о с'ездах учителей, приветствуя их и сознавая в этих с'ездах великую силу для развития детей, на которых возлагаются все наши надежды».

Но земство не решилось пойти на доводы Дерунова и отклонило его предложение возбудить ходатайство о с'ездах учащихся перед учебной администрацией.

Через несколько времени Дерунов выступает с новым неподходящим для той поры предложением. Он проектирует школьные попечительства с участием учащихся и родителей учащихся. Он предлагает напечатать его проект и разослать земским деятелям, учителям и крестьянам, чтобы получить их отзывы. Конечно, эта идея внести в школу элемент общности не встретила сочувствия в «сферах». Через три года после внесения деруновского проекта в земство, в 1892 г. губернатор уведомил пошехонских земцев, что министр внутренних дел Плеве по сношению с министром народного просвещения, согласно заключению его, губернатора, «не нашел возможным утвердить составленный гласным Деруновым проект положения о земских школьных попечительствах».

Когда начался памятный и теперь еще поход против земской школы со стороны духовного ведомства, Дерунов оказался на страже земской школы. Это было в 1891 году при обсуждении внесенного Ярославским епархиальным училищным со-

ветом проекта о слиянии земских школ с церковно-приходскими.

«За нашими земскими школами», говорил Дерунов, «есть уже светлое прошлое, а будущее для нас неизвестно... мы видим, что земские школы идут по возможности к совершенству, церковно-приходские же школы довольствуются главным образом преподаванием славянского языка в особенно широких размерах. Самостоятельность земских училищ следует оставить во всей прежней силе».

Земство согласилось с этими доводами, и вопрос о слиянии земских школ с церковно-приходскими был отвергнут.

В 1895 г. Дерунов выдвинул вопрос о женском образовании в то время, как перед всем русским обществом выяснилась необходимость и неизбежность борьбы с господствующими административными взглядами за осуществление высшего женского образования.

Дерунов горячо и ярко изображал бесправное положение неграмотной русской крестьянки и поразительной статистикой обрисовывал слабое развитие женского образования.

«Известно», говорил он, «что из лучшей семьи, от равитых и умных женщин родились хорошие дети, которые впоследствии стали лучшими гражданами, учеными, художниками, писателями и пр. Для нас, гг. гласные, как земских людей, желательно, чтобы в земских школах обучалось девочек столько же, сколько обучается мальчиков. Только грамотная и развитая женщина будет самостоятельная и хорошая хозяйка в доме и семье. Она будет равноправною подругой мужа... Хорошие качества и духовное развитие в детей может вложить только грамотная и развитая женщина. Только грамотная и развитая женщина может быть любима и ува-

жаема мужем в доме и семье... Нам, гг. гласные, известно, какое поработанное и униженное положение женщина терпит от мужа и семьи, а все такие явления происходят от того, что она неграмотна. Только при знании и развитии женщина получить может те права, которыми она должна владеть. Только при полном развитии женщина может взять свои права, которые отнял у нее мужчина».

Нельзя сказать, чтобы земляки особенно прониклись убеждениями Дерунова: земство ограничилось ассигновкой в 50 руб. на покупку книг и похвальных листов для девочек, оканчивающих курс.

Дерунову приходилось прямо упрекать земство в невнимательном, равнодушном отношении к школе, как это было, напр. в его многолетней борьбе за организацию сельско-хозяйственного образования.

В 1893 году Дерунов внес на земское собрание прекрасный доклад о нуждах школьного дела. Он сравнивал положение школы у нас и на западе и настаивал не только на количественном, но и на качественном росте школы. Он говорил о претомлении в школе, принижаящем духовные интересы детей и указывал на необходимость образовательных экскурсий, во время которых дети освежаются физически, привыкают понимать и любить «книгу бесконечной матери природы».

«Только при полном развитии детей школа может создать развитых умственно и мощных сынов для дорогой родины. Школьное время для детей должно быть лучшее время в жизни... Дети в школе должны развиваться физически, умственно и нравственно. Только при полном развитии детей школьное время будет наслаждением; только тогда учение

в школе не будет отвращением детей от книги и знаний, и разовьет в них жажду знания. Пусть же знание от учения взойдет в детский организм, как свет, жизнь и воздух, невидимо, но животворяще... Мы надеемся и верим, что хоть в будущем, земская школа получит желательный «земсктй вид». Если дождемся мы, то возрадуемся, а не дождемся с верою уйдем туда, где нет печалей и ожиданий.»

Хотелось бы побольше и почаще слышать таких речей, и чувствуется необходимость дать всем понятие о том большом культурном наследии, которое оставлено Деруновым и мало кому известно, скрытое в скромных отчетах о земских собраниях.

Дерунову довелось дожить до второй зари русской свободы—до 1905 года. Старый идеалист и мечтатель встрепенулся в нем. Он выпустил в Пошехонье три сборничка своих стихотворений, посвященных грамотеям—детям и подросткам.

Он радостно приветствует «Русь родимую».

Ты могуча,
И глядишь на мир, улыбаешься,
Всюду доступны....Ты свободная.

В песне, обращенной к детям, он говорит:

Дети родимые
Дети любимые,
Солнце над Вами
Сеет лучами
В жизнь многодумную
Волю разумную;
С ней и живите,
В жизни любите
Родню славную.

Эти стихи были последними заветами Дерунова. В 1909 г. он умер в своем родном с. Козьмодемьянском, где он отдыхал от всех волнений своей долгой жизни. Она так сложилась, что начать свою личную трудную деятельность пришлось ему еще в злую пору крепостничества, и в его произведе-

ниях слышнее, чем, например, у Сурикова или Иванова-Классика, отзвуки старины. Более чувствуется в них близости и к песням Кольцова. Концом же своей деятельности Дерунов примыкает почти к нашим дням. Он волнуется общими вопросами русской общественности.

В его последних стихотворениях остается большею частью прежняя привычная для него форма, но в содержании их чувствуется наша современность, близкие нам мечты о том, что взойдет, наконец, «семя воли народной» *).

*) Настоящий очерк писался при самых неблагоприятных условиях, задержавших его появление в свет. Автор очень сожалеет и о том, что по каким-то причинам его попытки получить из первых источников материалы по биографии С. Я. Дерунова остались безуспешны. Он однако надеется, что может быть, увидав эту книжку, лица, близко знавшие С. Я. Дерунова, да и других писателей-Ярославцев, сообщат свои сведения для дальнейших возможных поправок и дополнений в нашем издании.

Все такие материалы можно направлять по адресу Яросл. Кред. Союза Кооперативов. Ярославль, Большая линия, 12, для С. А. Золотарева, или по адресу: Рыбинск, Соборный дом А. А. Золотареву для С. А. Золотарева.

О П Е Ч А Т К И.

Стран.	Строка.	Напечатано.	Следует.	
6	12	снизу	преобралась	преобрати
9	18	сверху	города	городам
—	9	снизу	железной	жизненной
12	15	сверху	крестьянских детях	«Крестьянски х Детях»
16	15	»	стройной	строгой
17	6	»	обычаям	обычаем
18	9	»	Жалуется	—жалуется
—	20	»	волочькой	волочайкой
20	11	»	Соловецкий	соловецкий
21	17	»	постепенно	постоянно
25	16	»	Шлиссен	Шлиссель
28	8	снизу	впечатлительным	впечатлителен
33	13	сверху	одобренный	ободренный
44	11	снизу	И эти	«Эти
45	6	сверху	«писать	писать
—	8	»	добрый	друг
—	13	»	землю	землей
59	10	»	к добру и к счастью	в добро и в счастье
69	4	снизу	очертить	отметить
70	6	»	непроданный	непродажный
73	11	»	и их жизнью	с их жизнью
79	6	сверху	земсктй	земский
80	7	снизу	знавши	знавшие

